

Владимир Волошенюк

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КАРТИНКИ

Киев
Издательский дом
«КИЙ»
2021

УДК 327:355

В68

Волошенюк Владимир

В68 Дипломатические картинки / Владимир Волошенюк —
Киев : Издательский дом «КИЙ», 2021. — 144 с.

ISBN 978-617-7177-12-7

В книге автор делится с читателем пережитым и увиденным, собственными мыслями и пониманием ситуации, которой не единожды оказывался участником. В это очень непростое для Украины время каждый по-своему воспринимает происходящее. Но от того, как все участники этого многолико-многообразного спектакля исполняют свои роли, в меру сил моральных и физических, зависит будущее всех нас.

Для широкого круга читающей публики.

УДК 327:355

ISBN 978-617-7177-12-7

© Волошенюк В.В., 2021

*Талейран полагал, что иногда
не спешить, уметь выждать,
не очень вмешиваться, вообще
поменьше работать — единственно
полезная для дипломата тактика.*

Е. В. Тарле Талейран

ВІД ВИДАВЦЯ

Діяльність дипломатичних служб і майже все, що з ними пов'язано (крім офіційної інформації), зазвичай не було широко відомо пересічним громадянам. Тож загалом робота такого штибу організацій не те що була за сімома печатями, а просто не заведено було її обговорювати. Вистачало інших питань для різного роду полемік. Та нині, після тридцятирічного унезалежнення нашої Держави будь-які прояви її незалежності або залежності викликають жвавий інтерес усіх, кому небайдужа її доля, кого цікавить її місце у сьогоднішньому міжнародному співтоваристві.

Саме ця обставина стала спонукальною для появи цієї книжки.

Події, про які йдеться у новій книжці Володимира Волошенюка, автор називає «картинками», бо вони й справді не є хронологічно вибудованою суцільною розповіддю про життя-буття лише дипломатів.

Проте ці картинки, змальовані їх безпосереднім учасником на тлі суспільно-політичного життя України, дають читачеві розуміння того, що не лише ПИШУТЬ історію звичайні люди (хоча й вельми освічені), а й ТВОРЯТЬ її громадяни, тобто представники ГРОМАДИ. Від їхнього бачення, сприйняття багато в чому залежить і те, що в результаті такого творення виходить. І від того, наскільки така громада досконала, довершена, залежить і рівень тих чинників, які називають чеснотами: освіченість, вихованість, фаховість, відповідальність, словом — рівень культури суспільства загалом і громадянина зосібна.

Автор не робить жодних відкриттів для нас, читачів. Він просто переповідає все, що бачив на власні очі і описує свої відчуття і враження, почуття громадянина своєї Держави. Бо (за Брокгаузом і Ефроном) дипломатичний корпус, хоча й не є політичною корпорацією, ані юридичною особою, однак він нерідко відігравав морально і політично видатну роль внаслідок узгоджених дій своїх членів. Мабуть, саме з цієї позиції автор розглядає і свою власну участь у справі, якій служить.

На жаль, мусимо констатувати, що сьогоднішня дипломатія, як і багато що, до чого ми звикли ставитися з певним пієтетом, трансформувалася і втратила колишній лоск. Дедалі більше тут спостерігається буденності, спрощеності.

І попри те, що в сучасному надто динамічному і швидкоплинному світі, переповненому найрізноманітнішими технічними засобами і забезпеченому новими технологіями, дипломатові все-таки необхідно мати ґрунтовну освіту, знання не лише у галузі політики і права, насамперед міжнародного, а також всесвітньої історії.

Та нині спостерігаємо вельми непривабливу картину, коли в ряді випадків з дипломатичною місією час від часу до різних країн направляються державні діячі без спеціальної підготовки, що у такий спосіб одержали «підвищення», і відтепер покликані представляти нашу Державу на міжнародному рівні. Ці державні мужі репрезентують наше громадянське суспільство, тобто нас із вами.

З притаманною автору простотою і болем, він звертає наші погляди на речі, які змушують замислитися над завтрашнім днем, і не лише дипломатичної служби.

Кожен, хто читатиме книжку, обов'язково знайде для себе щось щемливо-цікаве.

Приємного Вам прочитання.

*Обсяг змістовної частини звіту
(без додатків і таблиць) не може
перевищувати 15 аркушів.*

*Слід застосовувати такі
параметри шрифту та
форматування: шрифт*

*ОсноваMFACyrillic, кегль 12-й,
відстань між рядками — 1.*

Вместо эпитафии

1.

В вагоне поезда «Интерсити», следовавшего по маршруту «Киев–Константиновка», большинство мест занимали военные. Отдельные огромные сумки с их добром, не уместившись на полках для багажа, стояли в проходе. Форма одежды солдат и офицеров пестрела разнообразием покроя и камуфляжных расцветок. Непривычен был и возраст солдат: от 18 до 40+. Это напомнило Васильеву призыв на сборы в СА офицеров запаса, их тогда в армейской среде называли «партизанами».

«Неважно, что безобразно, лишь бы однообразно». Этот принцип Советской Армии приказал долго жить вместе с самой армией», — подумал Васильев, наблюдая, как бойцы устраиваются на своих местах.

В ногах у Васильева лежал новенький американский военный рюкзак. Сумку

цвета хаки, тоже новую, напоминавшую парашютную, он оставил на багажной полке в начале вагона. И рюкзак, и сумку, и комплект полевой летней офицерской формы ему удалось приобрести за умеренную цену на приватном складе «милитари»-предметов через коллегу, служившего в СБУ. Правда, для этого пришлось занять у падчерицы — дочери супруги — сто евро. Мидовского месячного жалования на пропитание семьи и экипировку не хватило.

Поезд отправлялся рано утром и в пути находился шесть часов с минутами. Времени вполне достаточно, чтобы подумать «за жизнь», как говорят в Одессе. Место заранее он зарезервировал у окна. С появлением «Интерсити» возросла скорость движения, однако исчезла магия ночного купейного созерцания мелькающих огоньков за окном, да и вино в семь утра пить как-то неинтересно. С собой Васильев взял термос с кофе (под «Зеркало недели» и «Бульвар», купленные в привокзальном киоске), он все же лучше, чем тот, что предложат в вагоне стюарды. В рюкзаке — бутылка виски для представительских целей.

Поезд тронулся. Он помахал жене, одиноко стоящей на перроне.

За окном поплыли станционные здания, заборы с граффити, гаражи. Любоваться пока было нечем.

Он закрыл глаза и перевел спинку кресла в более удобное положение — для сна.

«Тогда был ноябрь 1981-го, теперь сентябрь 2015-го. Сколько же это прошло? — Васильев стал считать годы. — Почти тридцать четыре года. Неужели?» — подумалось ему.

Той осенью с Киевского вокзала туристическим «Икарусом» он в шумной офицерской компании ехал до аэропорта «Борисполь» — и дальше самолетом на «неправедную войну».

И вот опять война... Возможно, дети тех, кто находился тогда в том автобусе, сейчас стреляют друг в друга...

Он снова и снова пытался проанализировать, как все начиналось, пытаясь найти какие-то потерявшиеся звенья.

Новости о появлении «зеленых человечков» в Симферополе застали его в Посольстве Украины в Минске на посадке радника з політичних питань.

Это был год ротации. За прошедшие четыре года Министерством руководил третий министр, а Посольством — третий посол. Если учесть, что Посол — адмирал, то правильнее сказать: командовал.

Для военного люда Посольства (кадрового и запасников) этот стиль был знаком и не вызывал ни малейшего удивления, разве что открывал новые оттенки военно-морской терминологии и корабельного юмора.

— Тааааак!!! — громогласно, словно выстрел башенного орудия, начинал он совещания, приводя в трепет сотрудниц и в состояние полной боевой готовности дипломатическо-офицерский состав.

Ярким и запоминающимся получилось и его прибытие во вверенное Посольство для дальнейшего прохождения службы. Из Киева он совершил марш на служебном автомобиле в компании предшественника на посольском посту. Проводы на родной земле плавно перешли во встречи на братской белорусской земле. Начиная с границы, автопробег сопровождался остановками для знакомства с руководителями местных органов власти, общественностью, колхозниками и трудящимися.

Все это время посольский народ томился в волнующем ожидании. Васильев оставался в Посольстве старшим по должности, поэтому честь встретить Посла выпала именно ему со всеми вытекающими последствиями.

Хорошо понимая определенные характерные черты военных начальников, он накануне предложил коллективу провести субботник с колбасками и приборкой (как говорят на кораблях) в кабинетах и на рабочих местах. Ну а первым, кому придется «лечь под танк», как ни крути, оказывался завхоз. Понимая это, он поэтому старался и волновался больше всех. Отдельным испытанием должен был стать ужин высокопоставленных гостей.

— Едут, — тревожный сигнал был передан по средствам мобильной связи.

Васильев встречал подъезжающие машины перед воротами Посольства, сотрудники же находились во дворе, протокол встречи выработывали коллективно.

Посол первым вышел из машины. Метнул грозный взгляд на Васильева, окинул строгим взором территорию, стоящий в беспорядке личный состав и пророкотал:

— Тааааак!

Васильев невольно обозначил строевой шаг при подходе к раскрасневшемуся начальнику и произнес нечто среднее между рапортом и приветствием.

За Послом уже возвышался предшественник, тоже розовощекий, пытавшийся дипломатично скрыть ироничную улыбку от созерцания ритуала.

— Ну что ж, посмотрим... — Адмирал после рапорта крепко пожал руку Васильеву и твердой походкой направился к воротам.

Представлявшихся сотрудниц он одаривал широкой улыбкой, а остальных осматривал критически, как на строевом смотре.

После представления начался обход помещений. Завхоз семенял за Послом, открывая перед ним двери дрожащей рукой. Сзади шествовал предшественник, сопровождая

происходящее шутливыми комментариями. Улыбка не сходила с его лица.

— Соскучился по армии? — обратился он к Васильеву вполголоса.

— Я во флоте не служил. Наверное, будет нескучно.

В своем новом-старом кабинете, хозяин распорядился отпустить по домам всех дипломатов и сотрудников, кроме участников ужина. Рабочий день уже час как закончился. Сопровождение с заслушиванием было назначено на утро следующего дня.

— Ужинать будем? — спросил Посол и пристально посмотрел на стоящего почти по стойке «смирно» завхоза.

— Стол накрыт на четвертом этаже, пане Посол, — с нескрываемым волнением ответил завхоз.

— Ну, так вперед с весельем и отвагой! Показывай, — бодро скомандовал адмирал.

Стол был накрыт в комнате для гостей. Поднявшись на лифте, Посол потребовал открыть все комнаты для осмотра.

— А здесь что? — Адмирал с грохотом попытался открыть одну из дверей, но та была заперта на замок.

— Это выход на крышу, пане Посол.

— А где ключ?

— У канцелярії. На криші рабочие працювали. Я зараз принесу.

Через несколько минут, запыхавшись, завхоз открыл дверь.

Посол вышел на плоскую площадку крыши первым, как на мостик корабля, в следующее мгновение он побледнел. На лице отразился ужасный гнев. Куча окурков лежала прямо перед ним у цементного ограждения кровли.

— Бо-оцман!!! Что это такое? — его бас слышен был на всю округу. Рядом с Посольством находились две резиденции: российская и американская, а также общежитие консерватории.

— Чем вы тут занимаетесь? Безобразия! В субботу все на уборку территории!

Завхоз стоял бледный и поникший.

«Сейчас он его с крыши сбросит», — подумалось Васильеву.

Обойдя по периметру всю площадку и обозрев грозно подступы к Посольству с высоты как бы птичьего полета, адмирал направился обратно к двери, ведущей на этаж.

В свите тихо похихикивали все, кроме завхоза. Бывший посол, благодаря кому и состоялся этот ремонт крыши и жилого корпуса, подмигнул Васильеву.

Войдя в комнату, где был сервирован стол для ужина на шесть персон, адмирал остановился, критически обозрев выставленные на столе закуски, он пробасил ернически, глядя прямо на Васильева (завхоз, переведенный на должность боцмана, остался собирать окурки на крыше):

— Тааааак, а где селедка?

— В холодильнике, на камбузе, — не моргнув глазом, ответил Васильев.

— Вопросы есть?

— Никак нет!

Передвигаясь ускоренным шагом по лестнице с четвертого на первый этаж, Васильев почувствовал себя лейтенантом.

Небольшой гастрономчик находился через дорогу, прямо перед Посольством. Что интересно, старожилы называли его «генеральским». В окрестных домах, построенных

в свое время немецкими военнопленными, раньше жило много генералов штаба Белорусского военного округа.

Там Васильев с надеждой в голосе обратился к продавщице в белом фартуке и белой, как у стюардессы, пилотке по поводу наличия селедки и, получив позитивный ответ, а затем и желаемый товар, вернулся в «кают-компанию».

— Ну вот, другое дело, — удовлетворенно заключил адмирал. — Садись.

Васильев сел рядом с послом-хозяйственником, весело наблюдавшим за происходящим. Тот наклонился к нему и заговорщически спросил:

— Где селедку взял?

— В холодильнике, в гастрономе...

— Молодец, далеко пойдешь.

— Тааак! — теперь любимое междометие прозвучало как призыв к тишине.

— Офіцер безпеки на разливе. Приступай!!!

Офіцер безпеки с запотевшей бутылкой «Немирова» в руке и с горячим сердцем в груди двинулся вокруг стола, наливая в высокие хрустальные рюмки каждому сидящему. Когда он подошел к Васильеву, тот сделал отрицательный жест головой и потянулся к бутылке с минеральной водой.

Офіцер безпеки застыл с наклоненной бутылкой и вопросительно посмотрел на Посла.

— Не понял... — сердито буркнул тот.

— У меня тренировка по теннису сегодня.

— Полную!!!

На тренировку Васильев в тот вечер не пошел.

Постепенно дипломаты, сотрудники, включая завхоза, с одной стороны, и Посол-адмирал, с другой, притерлись и стали жить-поживать и вказівки Центра выполнять.

Посол активно подключился к спортивно-массовой работе. Теперь по утрам он, его помощник и Васильев «умирали» в парке на велосипедной дорожке, окружавшей Комсомольское озеро, и один-два раза в неделю Васильев «давал сухопутный бой» адмиралу на теннисном корте, находившемся на территории посольства РФ, где сложился теннисный клуб. Все это происходило до того дня, пока нога «зеленого человечка» не ступила на Крымскую землю.

Памятным для Васильева остался вечер, перешедший в раннее утро, когда Посол ждал подключения к эфиру на канале «1+1» по событиям, происходившим в Крыму.

Студия ждала Министра обороны Украины, находившегося на заседании Кабинета Министров. А эфир между тем бурлил, переполняемый вопросами и комментариями зрителей и экспертов со всех уголков Украины.

Речь появившегося наконец поздней ночью в студии министра в адмиральском чине ничего, кроме горького разочарования, не вызвала. Более того, его попытка хамским тоном перенести свою преступную бездеятельность на офицера ротного звена из Крыма, сведя все к необходимости выполнять требования Устава гарнизонной и караульной службы, выглядела просто мерзкой.

Посол, слушая его, метал громы и молнии, аки Зевс. Его кулачище то и дело с грохотом опускался на стол так, что подпрыгивали письменные принадлежности.

— Я же говорил ему, что нужно делать... Что он, бл-дь, несет... Блеянье какое-то...

Далее звучали номера воинских частей с их боевым предназначением, названия кораблей, боевые задачи, которые необходимо было выполнять немедленно:

— Вывести туда-то... Перекрыть там-то... Взорвать то-то...

На «рекламные паузы» они переходили в маленькую боковую комнатку, именуемую кают-компанией. Там на журнальном столике стояли самовар и коньяк, лежало печенье с конфетами.

Васильев, как выпускник общевоинской академии, задавал ему, как выпускнику военно-морской академии, «умные» вопросы. Суть их сводилась к тому, что ни хрена не делается из того, чему учили в академиях.

— Что ты мне сердце рвешь? — сердито огрызнулся адмирал, опрокидывая рюмку за рюмкой. — Что я могу? Я что — главнокомандующий?

Состояние протрации и недоумения тогда испытывали в Посольстве и гражданские, и военнотружнющие, вне зависимости от уровня военного образования. Катастрофа, происходившая на глазах у всех, была видна и ясна, даже самым непосвященным... И в результате — все рухнуло, как картонный домик.

Когда Васильев смотрел кадры, на которых безоружные украинские военные летчики с боевым знаменем шли на встречу этим самым «зеленым неопознанным объектам» с автоматами, орущим, что будут стрелять, у него наверчивались слезы. Вопрос «Как такое могло произойти?» повис в воздухе.

Когда-то, когда учился еще в Военной академии в Москве, в пылу полемики между историками и генералами об издании «История Великой Отечественной войны», он услышал фразу о том, что правду о войне напишут тогда, когда умрет последний ее участник.

«Это должно быть ждет и нас», — с горечью думал он, возвращаясь в мыслях к последним событиям.

Показательным в этом смысле стало его участие от МЗС в обсуждении издания «Белая книга АТО», которую готовила к печати Академия ВС Украины.

Название главы, посвященной МЗС, говорило о деятельности ведомства по отражению агрессии РФ. Остальные главы касались различных этапов АТО под управлением Антитеррористического центра СБУ.

Васильев не удержался от вопросов к генералу, проводившему наряду.

— По названию глав получается, что только МЗС отражало агрессию, а остальные силы проводили АТО. Почему отсутствует четкая периодизация АТО? С какого момента завершилась АТО и началось отражение агрессии? Почему выходит, что главным органом управления по отражению агрессии является до сих пор СБУ, а не Генеральный штаб?

Генерал стал что-то невнятно рассказывать о мнении Президента, посетившего Академию, и предоставил слово присутствовавшему представителю Антитеррористического центра СБУ. Ясности тот не внес, поддержал генерала. На том и разошлись.

После возвращения из долгосрочной командировки Васильев испытывал угрызения совести от того, что находится в тылу, и когда узнал, что в составе СЦКК* уже полгода работает представитель МЗС, стал обивать пороги начальственных кабинетов с тем, чтобы его направили туда для ротации. Соледар — не Париж, поэтому конкуренции не было.

---

* Спільний центр з контролю та координації питань припинення вогню та стабілізації лінії розмежування сторін. Центр розпочав роботу 26 вересня 2014 року в місті Соледарі Донецької області.

И вот теперь, перефразируя классику, «утренней лошастью» он отправился в зону проведения АТО с чувством глубокого удовлетворения.

**Когда тебя предали — это все равно,
что руки сломали. Простить можно,
но вот обнять уже не получается...**

Л.Н. Толстой

VOL. LXX. No. 171

PRICE REDUCED. New York, June 8, 1896.

PRICE TEN CENTS

Buck

Published Weekly, by NEWMAN & NEWMAN.

Copyright, N. Y. & C., by NEWMAN & NEWMAN.

Published for the
Proprietors by
NEWMAN & NEWMAN,
107 N. 3d St.,
New York, N. Y.

LEARNING TO WALK.

J.S. Rock

*Комплекс мер по выполнению
Минских соглашений:*

*1. Незамедлительное
и всеобъемлющее прекращение огня
в отдельных районах Донецкой
и Луганской областей Украины
и его строгое выполнение, начиная
с 00 ч 00 мин по киевскому времени
15 февраля 2015 года.*

Вместо эпитафии

2.

На привокзальной площади Славянска царила атмосфера прифронтового гарнизона с интенсивным передвижением армейских грузовых и легковых автомобилей; большим количеством прибывающих военных с баулами и отъезжающих с сувенирами местного керамического рынка. Она дивно переплелась с обыденной привокзальной жизнью провинциального городка, исполненной каждодневными хлопотами и тревогами.

В поезде Васильев по мобильному телефону связался с руководителем СЦКК, и тот ему сказал, что отправил для встречи в Славянск свою машину с офицером, и указал место, где она его будет ждать.

Автомобиль с нанесенными на бортах синими линиями и надписью «НМ» (наблюдательная миссия) он увидел сразу, выйдя из здания вокзала.

Моложавый, как ему показалось, подполковник приветствовал его с улыбкой.

— Бажаю здоров'я! Как доехали? — вежливо спросил он.

— Дякую, нормально. А давайте попьем кофе, можно из моего термоса с киевским печеньем, вибачайте, торта нет, или в кафешке. У нас же есть немного времени?

— Да, конечно. На обед уже все равно не успеем.

— Обед будет по плакатам, как говорили иногда курсанты КВОКУ.

— А Вы в ГУРе служили?

— Да, было дело. Ну как вы тут живете?

— Как в санатории. У Вас будет отдельный номер.

Васильев знал от мидовского коллеги, которого он сменил (тоже офицера запаса), что СЦКК размещен в здании санатория «Соляная Симфония», специализировавшегося раньше на профилактике и лечении болезней органов дыхания в соляных шахтах Соледача. В отдельном крыле этого же здания размещалась группа военнослужащих ВС РФ.

— Да, давно я не виделся с «братьями по оружию», последний раз в Бухаресте в прошлом веке. И как они?

— Говорим на разных языках, хотя и по-русски.

— Да, без 100 грамм не разберешься. Ну что, идем на кофе.

— Хорошо, здесь рядом с собором есть неплохой.

Кофе действительно оказался совсем неплохим. В машине, сидя на заднем сидении, взбодрившийся Васильев достал из рюкзака папку и стал просматривать документы, которые он взял с собой для работы, желая освежить в памяти ключевые моменты перед встречей с генералом, руководителем СЦКК.

Работа СЦКК была направлена на выполнение Комплекса мер по Минским соглашениям, и это, пожалуй, был основной рабочий документ. Он был подписан в феврале 2015 года.

В августе 2014-го Васильев, еще находясь в Минске, встречал передовую группу АПУ для подготовки встречи нашего Президента с российским. Ситуация в Посольстве в этот период сложилась еще та.

Накануне из Центра пришла вказівка: с целью экономии сократить количество телефонов в Посольстве до минимума, это же касалось и интернета. Служебные автомобили по той же причине были поставлены на «прикол».

Васильев написал тогда заяву об оплате своего служебного телефона, интернета и бензина за власний рахунок.

Посол в это время находился на лечении в военном госпитале.

Буквально через несколько дней после саммита из Посольства по ротации одновременно должны были уехать две трети дипломатов.

В общем, выходила «картина маслом», как говорил Давид Маркович Гоцман из «Ликвидации».

Дальше — больше. В нашей передовой группе было три человека (в российской — семьдесят). У наших, как выяснилось в аэропорту, не было денег на мобилках, зато гонору было предостаточно. Некоторые обиделись, что их не встречал исполняющий обязанности руководителя. Васильев привез их к «т. в. о.» и пожелал военного счастья.

Вечером к нему в кабинет вошел старший передовой группы, извинился за поведение невыдержанного товарища. Они распили бутылку виски под песню «Батальонная разведка», уж очень она нравилась старшему, и договорились о взаимодействии.

С Президентом в делегации должен был прибыть недавно назначенный Министр иностранных дел. Двух предыдущих Васильеву уже довелось лицезреть за этот период в стенах Посольства.

Очень эпичной еще в Киеве оказалась первая встреча с импозантным и суровым Министром «старой» школы, назначенным на министерскую посаду во второй раз.

Министр провел встречи в каждом управлении, нагоняя страх на дипломатов и их начальников. Как ни странно, Васильеву импонировал его стиль, основанный на высочайшем профессионализме и опыте. А показная строгость и конкретность даже согревала военную душу Васильева.

15 февраля, в день окончания афганской войны, святой для каждого афганца, Министр организовал встречу с сотрудниками — бывшими воинами-интернационалистами. Бокал шампанского и конверт с небольшой премией. Все это было очень по-человечески, кстати, в первый и последний раз в здании МЗС Украины.

В Минске у Министра была очень насыщенная повестка дня, тем не менее поздно вечером встреча с коллективом Посольства все же состоялась.

Министр стремительно вошел в зал заседаний, где был собран дипломатический состав. Все встали.

— Ви ще довго будете писати кляузи один на одного? Я бачу, вам тут більше зайнятися нічим, — это было сказано повышенным тоном.

Васильева такая форма приветствия привела в полное недоумение.

— Сідайте.

— Пане Посол, розберіться з цим і щоб більше я нічого подібного не бачив.

— Вже розібралися, пане Міністре, — спокійно ответил Посол.

Это был первый Посол, с кем начал работать Васильев. Он приехал в Посольство на несколько месяцев раньше него.

Про историю двух дипломатов, увлекавшихся эпистолярным жанром по написанию обличительных писем в МЗС друг на друга, Васильев узнал позднее. К этому моменту в Посольстве их уже не было.

Министр продолжил свое выступление на той же ноте.

— Я хочу всім нагадати, що ви тут перебуваєте у відрядженні й отримуете добові. Зарплатню вам платять у Києві. У разі необхідності ваше відрядження може закінчитися протягом 24 годин. Якщо хтось стомився — заяву на стіл.

Зараз кожного прошу представитися і доповісти, за які питання відповідає.

Заслушивание началось с левого фланга стола. Дипломаты вставали по очереди, представлялись и кратко излагали свои служебные обязанности, кое-кому из них Министр задавал короткие вопросы.

Когда очередь дошла до представителей торгово-экономической миссии, в голосе министра появилось еще больше стали.

Совсем недавно вышел указ о расформировании торгово-экономических миссий при посольствах, как говорили злые языки, с его же подачи. Процесс их сокращения и реорганизации находился в самом разгаре.

Первый секретарь ТЭМа Георгий Михайлович, ветеран многих компетентных служб, как он о себе рассказывал, считался непревзойденным гумористом Посольства и главным по линии, где что достать. Его возраст приближался к пенсионному, поэтому он и переживал больше

других в этот исторический момент. На лбу у него даже выступила испарина. Он встал и с обреченностью в голосе стал рассказывать об успехах на экономическом поприще.

— Вам скільки років? — вопрос прозвучал, как удар молота по наковальне.

— Сорок сім, — слегка поперхнувшись, ответил докладчик.

— Скільки? — в небе запахло грозой.

— П'ятдесят сім, вибачаюсь.

— Не втомилися?

— Ні.

Народ начал прятать улыбки.

Поскольку Васильев сидел справа от Министра, то он держал ответ последним. Доложил по-военному четко и кратко.

— Прибыл для прохождения службы в Посольстве три дня назад! — Что, мол, с меня взять... — До этого работал в ДКОВТС.

Департамент, занимавшийся вопросами военно-технического сотрудничества и проблемами экспортного контроля, был детищем Министра, так что Васильев, докладывая, применил военную хитрость.

Министр кивнул и ничего не стал спрашивать. После этого он стал говорить о задачах Посольства, постепенно меняя гнев на милость. Послу он ставил вопросы и внимательно слушал ответы и предложения. Когда Посол выразил свое мнение о недостаточном применении современных видеотехнологий для обмена информацией между Посольством и Министерством и стал увлеченно говорить об их преимуществах, Министр прервал его:

— Не гомоніть, не на Майдані. Я зрозумів питання.

Прозвучало это, как назидание всем присутствующим. Далее Министр снова обратился к аудитории и даже обозначил улыбку.

— Ну, що, налякав я вас? — Зал молчал. — Добре, які є проблеми? Зарплатню своєчасно отримали?

— Добові, — ответ у Васильева сам слетел с языка.

Министр ухмыльнулся и внимательно посмотрел на него. В зале засмеялись.

Ну а на следующий день Георгию Михайловичу удалось рассмешить теперь уже помощницу Министра. Он сделал ей обзорную экскурсию по городу в своем автомобиле. Васильев присоединился к ним, чтобы тоже увидеть город. Во время поездки ветеран всех спецслужб старался произвести впечатление на помощницу и вдохновенно рассказывал о достопримечательностях Минска. Самым ярким получился рассказ о Доме-музее I съезда РСДРП. Рассказчик поведал об истории любви Владимира Ильича и Надежды Константиновны Крупской, которая тесно была переплетена с партийной работой на съезде. Драматургия повествования не уступала шекспировской истории о Ромео и Джульетте, только с хорошей концовкой. Заинтригованный рассказом, Васильев через какое-то время посетил музей и устранил белые пятна в собственных познаниях об истории партии. Как оказалось, ни Владимир Ульянов-Ленин, ни Надежда Крупская не были участниками съезда.

Васильев впоследствии часто вспоминал об этой истории, видя на улицах столицы грузовики с яркой рекламой яиц Минской птицефабрики имени Н. К. Крупской.

Новый, крайний, «smart»-министр был назначен в июле и почти сразу обратился с видеообращением к дипломатам. Красной линией в этом выступлении прошла тема реформирования МЗС (очередного) и твердое намерение

превратить его в уникальную европейскую дипломатическую службу. Васильев стал свидетелем уже двух или трех реформирований.

Довідково. Неотъемлемые общие черты реформ: менялись таблички с названиями кабинетов, народ перебазировался с этажа на этаж с недипломатическими выражениями на устах, департаменты становились управлениями (если надо было убрать неподходящего начальника и отправить куда-нибудь подальше в Посольство) или, наоборот, управления превращались в департаменты, для чего — нетрудно догадаться. Рабочий дипломатический люд пугали аттестациями в свете самых современных требований и сокращением кадров. Особо одаренные, только что испеченные руководители, даже высчитывали процент балласта, от которого надо избавиться, чтобы достичь звездных вершин на международной арене. Самой радикальной реформой стало закрытие кафе на втором этаже здания министерства (реформа не выдержала испытания временем). Самыми защищенными от реформирования оказывались сотрудники секретариата министра.

Слушая министра, Васильев невольно вспомнил героя кинофильма «Москва слезам не верит», уверявшего, что через двадцать лет ничего не будет — ни кино, ни театра, останется одно сплошное телевидение. В данном случае телевидение было заменено соцсетями. Министр даже иронично заметил, что мы не можем обмениваться нотами, как в XIX столетии.

«Неужели ноты отменяют», — наивно подумал Васильев.

В заключение, в соответствии со «smart»-подходом, министр сообщил, что у него будет отдельный e-mail, на

который все смогут ему писать письма, читать их будет только он. Должно быть, бывшие члены КПСС помнили отдельное постановление ЦК КПСС о работе с письмами трудящихся, им тоже предлагалось писать письма.

Еще более наивным оказался Васильев, думая, что министр использует возможность поделиться в коллективе Посольства своими передовыми идеями через месяц после видеообращения. Ан нет — не судьба.

Министр пару раз уединялся в кабинете с Послом и общался с членами прибывшей делегации во дворике Посольства. Дипломатов Посольства он как-то не замечал.

— Наверное, ждет писем, надо будет написать пару строк, — решил твердо Васильев.

День саммита он провел на боевом дежурстве у телефона, благо, что телефон в его кабинете не был отключен.

Около 24.00 поступила информация, что делегация выехала из президентского дворца и направилась в аэропорт, и Васильев, как он полагал, с чистой совестью покинул боевой пост и убыл додому, до хаты.

Каково же было его удивление, когда утром, зайдя к коменданту, он увидел, что тот рассматривает в интернете фотографии Президента Украины и других официальных лиц в знакомом интерьере. Это был зал совещаний Посольства.

— Не понял... Что это? — обратился он к коменданту.

— Это пресс-конференция в Посольстве.

— Как интересно? А когда это было?

— Часа в два ночи, — бесстрастно ответил прапорщик пограничных войск.

— Шоб я так жил, — только и ответил Васильев.

— Посол назначил совещание на 10 утра.

— Понял, не дурак.

Совещание Посол начал, обращаясь к Васильеву, — кто бы сомневался:

— Так... Я все понимаю, товарищ Васильев у нас дембель. Дембель в маю — все по ...

Васильев ожидал грома и молнии, но все прозвучало непривычно миролюбиво. Он и не стал оправдываться, только заметил:

— Я же был на связи, но мне никто не позвонил.

Далее Посол устало подвел итоги визита, оценка была выставлена вполне удовлетворительная.

Некоторые живописные подробности Васильев узнал от коллег после совещания.

Никто, правда, толком не мог сказать, когда было принято решение о проведении пресс-конференции. Колонна чуть ли не с полдороги развернулась и поехала в Посольство. Правда, первой у ворот Посольства среди ночи оказалась Верховный комиссар ЕС Кэтрин Эштон, принимавшая участие в переговорах. Комендант какое-то время смотрел на тетку возле ворот и не хотел ее пускать.

Когда все собрались и приехали представители прессы, возникла проблема с переводчиком. И тогда на амбразуру кинули ни в чем не повинного дипломата Посольства, ответственного за культуру. Он в университете на заре своей юности изучал английский и еще даже давным-давно поработал в англоязычной стране, но от профессии переводчика он был весьма далек, что вполне естественно. В общем он старался как мог.

«На его месте должен был быть я», — подумал Васильев, как герой фильма «Бриллиантовая рука».

Для Посла это было бы естественным решением, потому как до этого подчиненный проработал в Вене четыре

года и здесь выполнял задания з підготовки тез англійською мовою. Одним словом, береженого Бог бережет.

Когда после почти часовой поездки с проверкой на КП, расположенных на трассе, въехали в Соледар, Васильев спустился с гор воспоминаний на бrenную землю. Городок напомнил ему родной город детства, тоже шахтерский.

Остановились на площадке перед санаторием. Машины стояли на стоянках в строгом порядке, как и положено в парке боевых машин воинской части. По углам зданий находились БТРы охраны, накрытые маскировочными сетями. Справа от здания в армейской палатке был развернут узел связи. Васильев себя сразу же почувствовал на двадцать лет моложе, словно он вернулся в армию. Вот только его гражданская одежда теперь вызывала внутренний дискомфорт.

Перед входом были оборудованы две «курилки». В одной из них находились наши, а в другой — люди в форме, очень похожей на форму «зеленых человечков».

VOL. LVI No. 1047

FOUR BILLS, New York, Wednesday, 14, 1906

PRICE TEN CENTS

Published weekly, except on Sundays, by J. K. Puck, Inc., 100 N. 3rd St., New York, N. Y.

Copyright, 1906, by J. K. Puck, Inc.

RUNNING AMUCK.

*Комплекс мер по выполнению
Минских соглашений:*

*2. Отвод всех тяжелых вооружений
обеими сторонами на равные
расстояния в целях создания
зоны безопасности шириной
минимум 50 км друг от друга
для артиллерийских систем
калибром 100 мм и более, зоны
безопасности шириной 70 км для
РСЗО и шириной 140 км для РСЗО
«Торнадо-С», «Ураган», «Смерч»
и тактических ракетных систем
«Точка» («Точка У»).*

Вместо эпитафии

3.

Вечером в день приезда Васильев в компании с соседями по номеру пошел в столовую для обитателей санатория, находящуюся в полукилометре от главного корпуса.

Питание там было организовано в две смены. Российские товарищи выдвигались на прием пищи почти строем в сопровождении нашего бойца с автоматом. Картина получалась эпическая.

На следующее утро Васильев включился в жизнь СЦКК. Он одел привезенную полевую форму и почувствовал себя человеком, вспомнив при этом розовые носки и деревянные бабочки на особо одаренных дипломатах в мидовских стенах.

Совещание украинской части в штабе СЦКК начиналось в 9 часов. Проводил совещание руководитель Центра. Накануне вечером Васильев по случаю прибытия

представился и вручил воинскому начальнику в качестве сувенира на память виски из личных запасов. Сувенир был с благодарностью принят.

Поговорили, как водится, «за жизнь», вспомнили общих армейских знакомых и обсудили взаимодействие с МЗСом. В идеале внешнеполитические шаги и месседжи должны были идти в одном русле с обстановкой в зоне АТО и тем, что заявлял Генштаб.

На практике же это не всегда получалось. Часто большие начальники из этих ведомств не могли найти общего языка и вели бюрократическую переписку, не снисходя до личного общения. А в последнее время все чаще жаловались друг на друга в АПУ и просили повлиять на оппонента.

Утренний доклад начинался со сводки дежурной смены о количестве обстрелов, потерь и раненых за ночь. Украинские офицеры дежурили в штабной комнате совместно с двумя офицерами российской стороны, и, в случае возникновения ночных огневых столкновений, все вместе гасили эти «пожары», обрывая телефоны противостоящих частей на «передке».

Эти данные готовились для совместного совещания с россиянами и мониторинговой группой ОБСЕ, которая приезжала в Центр на 11 часов.

Руководителем украинской части был генерал ВВС, а потому его стиль общения был более корректен и культурен, по сравнению с генералитетом Сухопутных войск. Васильев сразу отметил отличия армейской коллективной работы от практики МЗС. Более широкое привлечение должностных лиц разного уровня и открытое обсуждение давали возможность всесторонне обсудить проблемы и, как следствие, решить их более качественно.

В МЗС эта практика каждый раз менялась, в зависимости от особенностей стиля работы того или иного министра. Нынешний совещаний с руководителями департаментов вроде как и не проводил, по крайней мере, так казалось. Шото «варилось» в ближнем круге на этаже министра, но об этом мало кто знал.

Народ же корпел над сочинением тез до виступів, обсуждал долетевшие «сигналы» в курилке или в кафе и мечтал о ротации.

Через пару лет, когда люди перестали писать письма министру, а может, ему надоело их читать, было проведено социологическое исследование о проблемах в кадровой политике приглашенным англичанином. После этого состоялось несколько лидерских конференций. На одной из них Васильев побывал. Он вызвался в «лидеры», хотя и не подходил под возрастные мерки, определенные молодым поколением руководителей МЗСа.

На конференции министр произнес «суперовий» спич, после чего ушел общаться с блогерами, оставив аудиторию обсуждать «сигналы». Васильев с молодецким задором порывался задать ему пару вопросов, но был вовремя остановлен сидящим рядом трезвомыслящим Миколою Шевченком.

Впечатлениями поделились в перерыве в кабинете Астахова за кофе, запаренным в чашках «по-львівськи», как в добрые старые времена в Бухаресте.

После возвращения «оттуда», как говорила управдом из «Бриллиантовой руки», каждый из них получил свое. «Особлива думка» Астахова довела его до логического увольнения из МЗСа. После чего он «совершил хадж по святым местам»: РНБО, Кабмин, Биржа труда. Но все возвращается «на круги своя». Нашлись хорошие люди, подсказали,

и Родина, в лице министра «старой школы», направила его на службу в Посольство в Кишинев. Шевченко убыл туда же, но раньше и по своей воле. Помогло знание молдавского языка. И еще он очень много знал, что раздражало начальство на фоне «перемог» в Международном суде по разделу континентального шельфа.

Васильев, как татарин, за все судьбе был благодарен. Грезил о Брюсселе, а попал в Вену (мечта наркомана и дипломата). Потом опять мечтал о Брюсселе, а попал в Минск. После возвращения снова стал мечтать о Брюсселе.

Васильев и Шевченко устроились в креслах возле журнального столика. Астахов оставался за столом, как всегда, заваленном бумагами «до виконання», «терміновими» и «надтерміновими».

— Паяете, Геннадий Валентинович? — нараспев спросил Васильев, вдыхая аромат запареной кави.

— Ой, как же я мечтаю о пенсии, чтобы вы только знали. А Вы, никак, в лидеры рветесь, все Вам не йдется.

— Надежды юношей питают. Вот хотел спросить министра, можно ли организовать субботник на заброшенном теннисном корте на сходах возле МИДа. Говорят, когда-то на нем играли в теннис комсомольцы с коммунистами, а теперь там разруха и мусор. Микола не дал мне слова сказать.

— И правильно, будет с Вас. Нечего начальство беспокоить понапрасну. То письма ему пишете, то вопросы хотите задавать. Работы, что ли, у Вас нету?

— Ну, если не субботник, то хотя бы флэшмоб, — продолжал размышлять Васильев. — Стоят дипломаты на развалинах корта с плакатами на английском языке типа:

«Мы за спортивный образ жизни!», «О спорт — ты мир!» Ну, чи це не креативно?

— Я бы в блогеры пошел, — мечтательно сказал Шевченко. — Им хорошо, с ними министр общается.

— А в нашей лидерской подгруппе мы обсуждали актуальные проблемы по-аглицки, — весело заметил Васильев.

— Как это? — Астахов оторвался от бумаг и с интересом взглянул на него.

— Лидер в нашей ячейке — замминистра. Компанию ему составляет этот английский Джеймс Бонд, который исследование проводит. Вот зам и предложил все рационализаторские предложения делать присутствующим на английском, — сделав пару глотков, Васильев продолжил повествование: — Народ сначала стушевался, а потом потихоньку раскачался и начал говорить в меру сил и возможностей. Правда, одна девочка сказала, что будет говорить виключно державною мовою, молодец.

— А Вы что?

— Пришлось говорить англійською, потому как я сказал директору департамента, что ударю на конференции предложениями по бездорожью и разгильдяйству. А он дружит с замом. И, шо мне после этого оставалось делать? Тем более, что зам пару раз смотрел с ухмылочкой в мою сторону.

— И что Вы сказали?

— Что я старый и меня девочки не любят.

— А если бы зам был арабистом? Вам всем на арабском надо было бы говорить?

— В общем, как мог, так и сказал. Англичанин понял и даже пометки делал. Ну а потом выступил зам «весь в белом» і з гарною англійською.

— Ну, не расстраивайтесь, — заметил Шевченко. — Когда Вы съездите в командировку в Австралию, потом в США, а оттуда в Канаду и после этого снова в Канаду, у Вас тоже будет гарна англійська мова.

— Злые вы, уеду я от вас в Соледар, — шутливо заключил Васильев.

Вспомнил Васильев о беседе с друзьями-товарищами, стоя перед окном, с чашкой запареной кави у себя в комнате, служившей и кабинетом, в ожидании следующего совместного совещания.

Вид из окна открывался на тихий провинциальный дворик с гаражами и пасущимися козами. На стене одного из гаражей белой краской была сделана бодрая надпись: «Легких сапог тебе, Леха».

Он посмотрел на часы: «Пора, труба зовет. “Ихтамнеты” уже, наверное, в комнате для проведения наряд. Хотя, правильнее сказать в этой ситуации, “ихздесести”».

«Что ж. Никаких объятий! Я — англичанка. Мы выражаем чувства только к собакам и лошадям». Прикольная цитата из какого-то английского фильма, как руководство к действию», — решил Васильев.

В комнате для совещаний висели двое часов. Под ними были приклеены таблички с надписями: «Киевское время» и «Московское время».

Месяц пролетел в круговерти совещаний, написании докладов в Центр, выездов на «передок» и в районы сосредоточения тяжелой техники, где проводили инспекцию ОБСЕшники.

Васильев почувствовал, что похудел и не только от казенных харчей, но и от военного распорядка дня, который теперь казался приятным, как радио «Ностальжи».

Подъем, утренняя физическая зарядка в спортивном городке в компании офицеров Центра и построение говорили о том, что «You're in the armynow, oh-oo-oh, you're in the armynow». Ну а партия тенниса в спорткомплексе со «стенкой» напоминала о том, что он все же дипломат.

Фрагментарное общение с представителями российской стороны можно было охарактеризовать одной фразой по Станиславскому: «Не верю».

НШ россиян полковник Кирсанов был выпускником Казанского суворовского училища и носил «суворовский краб» на форме. Он с первых же минут в общении с Васильевым начал мусолить тему кадетского братства. Васильев сдержанно избегал дискуссий и разговоров на темы славянского и иных видов братств в личном общении. Внимательно слушал и размышлял о собственных болезненных вопросах.

Очень уж было бы наивным спросить Кирсанова, как кадет кадета:

— Есть ли армия РФ на территории суверенного государства Украина?

— Как вы смогли начать стрелять, прикрываясь женщинами и детьми?

— Как можно было дать слово офицера и после этого открыть огонь на поражение по выходящей из «котла» колонне, пусть даже и вашего противника?

Ответь хотя бы на эти три вопроса и в подтверждение правдивости слов скажи: «Честное кадетское», как поступали 14-летние юноши, воспитанные на суворовских традициях храбрости и чести.

А потом со всей «пролетарской ненавистью» добавить:

— Ты являешься здесь представителем армии агрессора, поправшей даже неписанные законы войны.

— Ты рядишься в тогу миротворца и живешь во лжи.

Но такой разговор мог бы быть только с ним в силу отрезка общего исторического прошлого. Когда-то фильм «Офицеры» для одного и другого, как и для миллионов мальчишек Союза стал путеводной звездой в жизни. Хотя то, с чем столкнулись мальчишки в реальности, очень отличалось от красивой киноповести.

Гораздо позже Васильева по-настоящему «зацепило» другое кинопроизведение, тоже повествующее о Советской Армии, но снимавшее с армейской жизни налет бравадности торжественного марша. Это был фильм Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор».

Картинка дальнего гарнизона в фильме напоминала ему военный городок в Монголии. От некоторых сцен тоже веяло чем-то родным и до боли знакомым, а сюжеты из жизни монгольского гарнизона могли органично вписать-

ся в сценарий фильма. Чего только стоило изготовление умельцами-прапорщиками самогона радикально синего цвета.

Кстати, премьеру фильма по требованию министра обороны Грачева не стали показывать 23 февраля.

И вот теперь, похоже, в России готовы петь песню, прозвучавшую в этом фильме «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасные песни слагает народ», поменяв Сталина на Путина.

Через три года после выхода фильма на экраны Васильеву посчастливилось пообщаться с исполнителем роли командира полка Валентином Гафтом.

Васильев приехал из Бухареста в Киев в командировку, а в это время в Театре им. И. Франко шел антрепризный спектакль с участием звезд — Гафта и Чуриковой.

В закулисный буфет, где он угощал веселую компанию любимых акторів румынским вином, зашли пообедать после репетиции московские актеры.

Гости молча ели за столиком в углу украинский борщ, а за сдвинутыми столами хозяев в центре зала вирували гомін і сміх. Если запорожцы писали письмо турецкому султану, то франківці писали эпиграмму Гафту. Вино было выпито, и гонцы от их честной «кумпании» по очереди подходили к буфетной стойке за горячим и горячительным.

Когда за столом гостей дошло до компота, бессмертное творение было создано.

Отобедав, гости направились к выходу, в это время депутация во главе с автором преградила путь Гафту. Он был несколько удивлен, но когда зазвучали первые строки послания, расплылся в улыбке.

Политический момент очередного этапа «братской» дружбы характеризовался тогда проблемами с поставками нефти в Украину. Поэтому актуальность послания была налицо. Оригинал творения история, к сожалению, не сохранила, остались только наброски:

Україні треба нафта
А Росія шле нам Гафта...

Гафт быстро поддался веселью компании, хоть и не причастился, поскольку впереди был спектакль. Шутки, смех стали общими, потом фотографировались на память.

Оказавшись наедине с актером на несколько минут, Васильев выразил искреннее восхищение правдивостью фильма и его игрой и даже высказал готовность идти в бой под его командованием.

Вечером после спектакля, прорвавшись через кордоны охранной фирмы в гримерку, Васильев вручил Гафту бутылку румынского красного вина.

— Спасибо, товарищ полковник, теперь с удовольствием выпью.

Игра Гафта с Чуриковой действительно была потрясающей.

Осадок остался только от охранных мероприятий по случаю московских гастролей. Театр за три часа до начала спектакля был оцеплен, как во время полицейской операции. Шоб никто, не дай Боже, не просочился без билетика. А цена билетика «кусалась»: от 300 гривен и выше, в то время как билеты на спектакли самого театра стоили в десять раз дешевле.

Позже Васильев с горечью слушал оценки большого артиста Гафта о событиях в Украине. Изобличая режим одного диктатора, он поддержал другого.

Что уж было говорить о младшем поколении офицерского состава российской части. Они напоминали бойцов, заинструктированных до слез на разводе караула, бубнящих, что часовой есть лицо неприкосновенное. А эта странная фраза: «Россия не является стороной конфликта». Со «стеклянными» глазами, к месту и не к месту, господа офицеры уверяли, что не имеют никакого отношения к вооруженным формированиям на территории так называемых «ЛНР» и «ДНР».

Самое уместное и неругательное — «no comments».

VOL. LV. No. 10

POCK BUILDING, NEW YORK, JANUARY 20, 1914

PRICE PER COPY

Copyright © 1914
by P. M. S. S. Co.
New York, N. Y.

A HOUSE OF CARDS.

*Комплекс мер по выполнению
Минских соглашений:*

*3. Обеспечить эффективный
мониторинг и верификацию
режима прекращения огня
и отвода тяжелого вооружения
со стороны ОБСЕ с первого дня
отвода с применением всех
необходимых технических
средств, включая спутники, БПЛА,
радиолокационные системы и пр.*

Вместо эпиграфа

4.

Через месяц работы в СЦКК Васильев собрался на «берег», то есть в Киев. Надо было продлить командировку, получить командировочные, решить вопрос с зимним обмундированием, да и соскучился по дому, по семье. Ему в этом смысле было все же легче, чем военным: они заезжали в Центр на весь срок командировки с ротацией через четыре месяца. Что же касается других статей материального и морального обеспечения, то это был смех сквозь слезы.

Находясь в командировке в зоне АТО, военнослужащие получали надбавки к должностным окладам и после окончания — удостоверения участников боевых действий. В последнем Васильев вовсе не нуждался, имея такую «корочку» за выполнение интернационального долга.

Что же касается зарплаты, то он даже потерял. В командировке премия не полагалась, надбавки за пребывание в зоне АТО не предусматривались, а посему его скудное месячное жалование в МЗСе существенно сократилось. Тем не менее некоторые сотрудники МЗСа брали отпуска и ехали в зону АТО.

А МЗС продолжал жить по своим инструкциям мирного времени, и никто не догадывался, что за короткое время было создано «нове дипломатичне військо», о чем Президент радостно сообщил на 13-й нараді послів.

Не прошло и года, как 13-й министр иностранных дел (командувач «дипломатичного війська») бравурно докладывал новому Верховному головнокомандуючому: «...Перед вами лише частина нашого дипломатичного війська, це ті, хто перебуває в тилу, всі інші — на передовій... Наше військо навчене, досвідчене, освічене і готове до застосування!»

Что касается «створення нового війська», можно согласиться с поправкой «средневекового», когда рыцари должны были сами заботиться о приобретении личного оружия, лошадей и доспехов.

Дипломаты на «передовій» остались без служебных автомобилей и использовали личные для выполнения служебных обязанностей. Инструкция по использованию державних коштів для покупки бензина для личных автомобилей и отчета по ним была такой, что легче повеситься, чем составлять его.

Интересно, что было бы, если бы с настоящей передовой убрали бы боевую технику и сказали закупать за личные средства?

Умилительно слушать военную лексику от людей, ни минуты не прослуживших у справжньому війську.

А каково было слушать послам на 14-й нараді, что им надо забыть про то, что говорилось на 13-й нараді год назад, и «стремительным домкратом» приступить к выбиванию инвестиций, ибо теперь — это наше все. В детстве многие увлекались «игрой в солдатики», происходящее казалось «игрой в дипломатики». Раз, два, три, четыре, пять — инвестиции искать. Время пошло.

*Кто, не учась, других охотно учит?
Врагов смешит, а приближенных мучит? —*

вопросом задался Петр Вяземский в 1815 году.

Вообще, моральному состоянию послов во время смен президентов не позавидуешь. Единство и борьбу противоположностей, по меткому выражению марксистов, испытывал не один из них в душе, но пойти против генеральной линии или просто сказать: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над Вами потешаться будут», — решались немногие.

Васильев стал свидетелем такого поступка нашего Посла в Беларуси. После кровавого разгона протестующих против очередных «самых честных выборов» белорусского президента, послы стран ЕС приняли решение не посещать его инаугурацию.

Центр надіслав розпорядження Послу відвідати інаугурацію.

— Я не піду з ним ручкатися, — сказав он твердо Васильеву.

Беседували в кабінеті Посла один на один.

— Пане Посол, це буде розцінено як невиконання наказу, якщо говорити військовою мовою, — грустно заметил Васильев, хорошо понимая последствия.

— Громадянська позиція для мене більш важлива, ніж посада Посла.

— Можна захворіти дипломатичною хворобою або поїхати у відрадження, і тоді радник-посланник відвідає захід. І вовки ситі, і вівці цілі.

— Мене там не буде, це однозначно, і Центр я попереджу.

Поступок Посла, естественно, вызвал бурную реакцию на всех этажах в МЗСе. Мнения, как водится, разделились, но стало понятно, что Указ не за горами и это только вопрос времени.

А Посольство продолжало жить и работать устоявшимся порядком. Футбольные пятницы никто не отменял. Ветеран спортивного общества «Динамо» Георгий Михайлович сначала отвечал только за тыловое обеспечение в виде парилки и «поляны», но после визита министра помолодел и начал выходить на поле на замену в ворота.

Звонок Послу от министра пришелся как раз на пятницу, спортивный праздник блеснул и погас. После отъезда Посла Георгий Михайлович загрустил и ушел из посольского спорта.

Самым же интересным было то, что высокопосадовец МЗСа, отдававший распоряжение Послу принять участие в историческом для соседней страны мероприятии, продолжил успешную карьеру и после падения злочинной власти.

Карло Гольдони, написавший бессмертную комедию «Слуга двух господ», — слабак. Оправданием ему может служить лишь то, что он итальянец и не жил в современной Украине.

Наш герой оказался успешным слугой трех господ (прошу пардона, трех президентов). Более того, при третьем (заявившем в видеообращении к украинскому народу, что не будет таким, как «папередники») он возглавил Комитет по разведке.

«Розумний, аж страшно» — это не о нем, а о Голохвастове говорил старый Сірко.

Васильеву выпало счастье пообщаться несколько минут с ним в Минске, не с Сірком, а со страшно розумным начальником.

Они прибыли для участия в какой-то тусовке СНГ. Васильеву была поставлена задача доставить его с помощником в Комитет СНГ. Помощник оказался суетливым и нервным. Задержавшись на встрече в Посольстве, товарищи уже почти опаздывали к началу заседания в Комитете.

— Ви можете їхати швидше? — недовольно спросил он Васильева.

— Можу!

«Хочете швидше, буде вам швидше, — решил он. Минск — не Бухарест, проспекты тут широкие, как страна моя родная, а красный свет светофоров не для джигитов». — Васильев резко рванул с места и дал «газ до полика», как учили в КВОКУ.

Помощник заерзал на переднем сидении.

— Как здесь ночная жизнь? — томно прозвучал вопрос с заднего сидения.

— Нормально. Все проститутки состоят на воинском учете в КГБ, так что все надежно.

К месту назначения подкатили на скорости и с визгом тормозов.

Похожую поездку Васильев, не любивший быстрой езды, совершил давным-давно в Бухаресте. Тогда, 10 мая,

Посольство Украины возлагало венки к памятнику погибшим воинам на советском военном кладбище отдельно от россиян. Он должен был получить в протоколе МНО Румынии украинский и румынский флаги, чтобы установить возле памятника. В протоколе произошла какая-то неувязка, украинский флаг долго не могли найти. Когда флаги вынесли, времени до официального начала церемонии оставалось в обрез. Васильев, обуреваемый чувством долга, с двумя торчащими из окон древками, пронесся по улицам Бухареста, как в кино про шпионов.

— Приехали! Не опоздали? — Васильев с приторно-вежливой улыбкой обратился к помощнику. Затем проводил гостей до входа и раскланялся.

Здание, в котором размещался Комитет, было построено сразу после войны в стиле сталинского ампира. Оно содержало в себе все черты комиссариата или шестого управления РСХА. Суровая охрана, ковровые дорожки в коридорах, массивная мебель в кабинетах и серьезные лица их обитателей воздействовали как машина времени. Казалось, что вот сейчас в коридоре появится Берия или Мюллер.

Обычно после посещения Комитета для психологической разрядки Васильев шел в кофейный магазинчик, находившийся недалеко в полуподвале. Там в воздухе витал аромат молотого кофе. В маленькой уютной комнатке стояло несколько столиков. Это было одно из немногих мест, где не пахло советским общепитом. Магазин принадлежал литовской компании.

Здесь же он обдумывал услышанное от советника российского посольства Гончаренко по горячим следам крымских событий.

После взятия в кольцо Верховного Совета АРК людьми с оружием без опознавательных знаков по белорусским телевизионным каналам прошло сообщение (как выяснилось позже — ошибочно) о том, что РФ прерывает дипломатические отношения с Украиной. На языке классической дипломатии это означало, что следующим шагом может быть объявление войны.

Васильев почти три года поддерживал с Гончаренко вполне дружеские отношения. Регулярно они встречались и обсуждали новости дня, чудачества Бацьки, делясь новыми анекдотами про москалей.

Звонок в кабинете Васильева раздался ближе к обеду. Гончаренко предложил встретиться за ланчем через час в «Корчме Старовиленской» — ресторане, расположенном в Троицком предместье, отреставрированном уголке старого города. Туда от Посольства было десять минут ходу.

— Володя, в посольстве никто об этом ничего не знал, в том числе посол, поверь мне, — такими были первые слова российского советника, когда они обменялись рукопожатием.

— Я понял. А что означает сообщение по белорусскому телевидению?

— Это вообще бред какой-то. Они погорячились, ничего подобного нет. Из посольства уже звонили на телевидение по поводу этой информации.

— И что дальше?

— Хрен его знает. Посол в шоке, у него родной брат живет в Украине. Бабы некоторые режут в Комплексе. Половина посольства имеет родственников на нэньке.

— А что у тебя с ротацией?

— Дал согласие на прямую ротацию. Буду генконсулом на Дальнем Востоке, подальше от начальства и поближе к японской кухне.

После ланча Васильев не пошел в Посольство. Хотелось еще пройтись и посидеть где-то за чашечкой кофе.

Выводы из оценки обстановки напрашивались невеселые. Крымский вакуум украинской государственности, который он ощутил во время истории с Мешковым, будучи офицером ГУР в командировке на полуострове, похоже, оперативно заполняется другой государственностью. Что дальше? Как в детском стишке: «Бой в Крыму, все в дыму, ничего не видно». Введение войск на территорию другого государства — нелегкий процесс, как это было в ДРА. Но еще более сложным является решение о выводе войск. Для этого понадобилось десять лет и смерть не одного генсека.

Теперь, год спустя, в Соледаре Васильев понимал, что в своих прогнозах был близорук, и думал, что Крымом все ограничится, ан нет. Но не должны были быть близорукими те, кому это запрещалось по должности.

Накануне Великой Отечественной Командующий Западным особым военным округом генерал армии Павлов провел субботний вечер в минском Доме офицеров на представлении оперетты «Свадьба в Малиновке».

«Директива № 1», направленная в войска, гласила: «В течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия... одновременно быть в полной боевой готовности встретить возможный удар... других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

22 июля 1941 года генерала Павлова расстреляли.

Наш Верховный Главнокомандувач и Начальник Генерального штаба 24 августа 2014 года находились на параде. Начальнику Генерального штаба в этот день было присвоено звание генерал-полковник. Говорят, что НГШ матюками отвечал на доклады разведки о начале агрессии, типа: «Не паниковать!» О наличии каких-либо директив Васильев не слышал.

Через год НГШ было присвоено звание генерала Армии. Чем не «Свадьба в Малиновке»?

THE LATEST CHINESE WALL.

*Комплекс мер по выполнению
Минских соглашений:*

*4. В первый день после отвода
начать диалог о модальностях
проведения местных выборов
в соответствии с украинским
законодательством и Законом
Украины «О временном порядке
местного самоуправления
в отдельных районах Донецкой
и Луганской областей», а также
о будущем режиме этих районов на
основании указанного Закона.*

Вместо эпиграфа

5.

Как и другие обитатели санатория, Васильев, вдохновленный посещением соляной шахты, перед отъездом в Киев набрал местных сувениров. Это были соляные светильники и другие поделки соляных дел мастеров.

В соляной шахте на дне древнего Мирового океана на глубине 300 м СЦКК организовал брифинг для военных атташе, аккредитованных в Киеве, во время их поездки в зону АТО.

В уникальной камере 41-Бис, где раньше проводились симфонические концерты, выставки художников и где побывала сама Алла Пугачева (клеть для спуска в шахту примадонне устлали коврами), руководитель украинской части СЦКК ввел представителей военно-дипломатического корпуса в курс обстановки.

В чарующих лабиринтах подземного соляного царства, как сказано в туристических путеводителях, они узнали много интересного о чудодейственных свойствах соли, количестве нарушений режима прекращения огня, обстрелах с использованием систем тяжелых вооружений и жертвах среди мирного населения.

Глядя, как после брифинга офицеры аппаратов ВАТ задорно играли в футбол здесь же в шахте на оборудованной маленькой футбольной площадке, Васильев не мог не вспомнить свое военно-дипломатическое прошлое.

В поездках, организованных Министерством национальной обороны Румынии для военно-дипломатического корпуса на учения, показательные занятия и другие мероприятия, была своя прелесть.

Собираясь вместе, помощники ВАТов вели себя весело, как курсанты. Озорные выходки и «подколки» коллег очень даже приветствовались в их среде даже во время официальной части, не говоря уж о фуршетной, которая обязательно устраивалась гостеприимными хозяевами.

Ежась от холода на смотровой трибуне и наблюдая образцы военного искусства, очень напоминавшие «советскую школу побеждать» с атаками бойцов в шинелях образца Первой мировой войны, навьюченных снаряжением того же периода, военные международники толкались, чтобы согреться, и обменивались комментариями.

В тот раз на тактическом поле разыгрывалась сценка борьбы Армии то ли с террористами, то ли с сепаратистами.

Группа в гражданской одежде бурно выражала свои эмоции и наступала на цепь военнослужащих. Появился вертолет, из него высадилось подкрепление, и началось вытеснение зарвавшихся граждан.

Васильев наблюдал за происходящим в компании своего польского коллеги Ежи и немецкого помощника Юргена, искрающего военно-политическими шутками.

— Граждане украинцы, мы призываем вас к порядку! Просим вернуться по домам, — будто бы голосом из репродуктора начал он комментировать события на поле.

— А, *cosięstanie?* — спросил его Ежи.

— Украинцы, возвращайтесь домой, иначе мы будем стрелять, — бесстрастно продолжал Юрген.

— Буковина есть исконная румынская земля, — заключил Васильев. — Пора бы на обед. Война войной, а обед по распорядку.

Тем временем толпа была окружена и препровождена куда надо под жидкие аплодисменты с трибуны.

Далее — обед со скрипками. Румыния находилась на марше в НАТО, поэтому официальные мероприятия сопровождались еще более длительными неофициальными. Сытные обеды проходили с музыкальным сопровождением «плачущих скрипок» и народных песен. В центре внимания скрипачей почти всегда почему-то оказывался Роберт, военно-морской атташе США. Во время десерта звучало попури из мелодий стран мира под громкие аплодисменты представителей этих стран. А среди помощников начиналась игра «Завоюй внимание румынской красавицы». Солистки одаривались цветочками, которые стояли в вазах на столах, приглашением на танец с последующим целованием ручек ко всеобщей радости под дружеские комментарии, типа: «Виджанарко, женись, тебе же ислам позволяет иметь четыре жены»; «Джузеппе, как ты без сабли танцевать будешь?»; «Костя, сбцай “Яблочко”».

Виджанарко был индонезийским летчиком. Худенький, как солдат-первогодок, улыбка не сходила с его лица. Один

Аллах ведаёт, что с ним стало после падения режима президента Сухарто.

Джузеппе, итальянский помощник, стал знаменитым после того, как пришел на церемонию возложения венков в парадной форме и с длиннющей саблей.

Ну а Косте-моряку, что танцевать, если не «Яблочко»? Вальс он танцевать не умел.

«Молодо-весело, а с военными еще веселее», — подумал Васильев.

Как-то вечером он находился в штабной комнате СЦКК, где кипела боевая работа.

— Ну вот, говорят, что мы с Вами старые уже, — обратился к нему генерал, руководитель СЦКК, беседовавший с офицерами дежурной смены.

«И тут опять двадцать пять», — подумал Васильев и с возмущением переспросил:

— Кто старый? Так может прямо сейчас на перекладину или на корт?

Генерал по вечерам плавал несколько километров в бассейне и мог дать фору «молодым».

Когда-то в училище тридцатилетние капитаны тоже казались «стариками», не говоря уж о полковниках. Теперь же это почетное звание никак не примерялось на себя.

Приятно возвращаться в МЗС после месячной разлуки и на короткое время. Еще приятнее посещать МИД во время отпуска, находясь в длительной командировке. А вот о возвращении из длительной командировки «краще молчать або жувати».

Отпускников видно в коридоре за полкилометра. Главное отличие от сотрудников аппарата — лучезарная улыбка и стильный «прикид» с элементами одежды того уголка

мира, откуда прибыл дипломат. Васильев тоже имел такую маленькую слабость. Он к каждому отпуску покупал новую соломенную шляпу.

Военная служба, начиная с Суворовского, приучила к ношению головного убора — это дисциплинировало. Но даже форменная фуражка отражала веяния армейской моды. Она могла иметь огромную тулию (аэродром). В другом варианте: ее пружина ослаблялась, козырек ушивался и тогда она напоминала белогвардейскую.

Проблемы в выборе шляпы в заморских странах не существовало, главное было не помять ее при перевозке и тогда можно рассчитывать на комплименты от дам в кулуарах МЗСа.

Часто обход кабинетов с раздачей сувениров начинался с мидовской цирюльни. Маленькая уютная комнатка с ее бессменной ироничной хозяйкой для многих служила еще и кабинетом психологической разгрузки.

Другим «намоленным» местом было кафе на втором этаже, занявшее свое достойное место в истории дипломатической службы Украины. Старожилы помнили времена, когда встречу друзей можно было отметить рюмочкой или же ближе к вечеру посидеть с коллегой за чашечкой кофе с коньячком. При этом выслушать жалобы буфетчицы о том, что когда она работала в Кабмине, то там уже к обеду уходило бутылки три коньяка, а тут за день одну еле осият.

Но с новыми министрами пришли новые веянья. Коньяк и шампанское убрали с витрины кафе, харьковское соглашение написали на трезвую голову, а буфетчица ушла на пенсию.

После своего родного кабинета, где Васильев был встречен тепло барышнями-дипломатами в количестве трех как

герой войны 1812 года, он зашел к Астахову и предложил пойти покурить. Тот курил, а Васильев травился дымом, но в атмосфере приятной беседы с кофе в бумажном стаканчике. Вышли к фуникулеру.

— Ну что, как у Вас проходит командировка?

— Стреляют...

— А у Вас?

— Ротация-с.

— И шо? Куда Вы едете послом?

— Ой, я Вас умоляю, мне до пенсии рукой подать, какая ротация. Ну зачем же?

— Да, не с Вашим опытом. Вот если бы Вы поработали атташе в консульстве в Сучаве и «пулей» пролетели по всем дипломатическим должностям за четыре года — вот тогда бы перед Вами открылась прямая, светлая дорога в секретариат министра и далее в послы по расписанию. Це ж супер, как говорит ваш министр.

— А он не ваш?

— Нет, я старый солдат и не знаю слов любви. И как проистекает ротация в этот раз?

— Как всегда, нескучно. Основные фишки теперь от АПУ. Главный евроинтегратор куражится и повышает свои знания в устройстве кондиционера и кофеварки на знакомых ему языках.

— Это как?

— На собеседованиях с кандидатами на посади радників и выше он периодически просит рассказать ему устройство кондиционера или кофеварки на английском или французском языке.

— Наші — супер! Це ж класно, опять же словами одного «smart»-министра.

— Люди месяцами ждут ответа из АПУ. Многие так и не дождались, догадайся мол сама.

— Я вот слышал, что этот интегратор ловил на лету пальто Януковича в Брюсселе, когда тот из машины вылезал. Это правда?

— Говорят, даже на видео попало. Ну а что нового российские товарищи рассказывают? Хотят ли русские войны?

— Как всегда, что «ихтамнету», а мы сами себя обстреливаем.

— А что ОБСЕ?

— Считает на слух количество разрывов. Записывает нашу информацию, потом российскую и в результате выдает на-гора свой доклад.

— И насколько Ваша миссия там?

— А я знаю? Думаю, пробуду четыре месяца, как военные, и буду проситься на дембель. Заменщика найдут, я надеюсь. У нас же «дипломатичне військо» чи не військо?

— И что Вы теперь буде делать?

— Пойду по начальству с ценными предложениями, а вечером — в театр.

За месяц работы в СЦКК у Васильева появились, как ему казалось, разумные предложения для «покращения» взаимодействия с нашими военными и СММ ОБСЕ.

Руководитель СЦКК жаловался, что внешнеполитические демарши и меседжи Украины не всегда доходят даже до НГШ. В Вене в штаб-квартире ОБСЕ каждую неделю проходят заседания **Форума** по сотрудничеству в области **безопасности. Наш постпред делает на них заявления** и логично было бы знакомить с ними руководство ГШ. Проблема в работе с ОБСЕ состояла в том, что наблюдатели часто игнорировали или отказывались проверять

информацию о нарушениях, выявленных нашей стороной и периодически доводившейся на совещаниях до членов СММ. Они прикрывались мандатом. Ну, тогда надо менять мандат. Мониторинг велся только в дневное время. Камеры наблюдения на многих участках отсутствовали, а основные огневые «светопредставления», как спектакли в театре, начинались вечером.

И еще, зима не за горами. В войсках по традиции осенью переходят на зимнюю форму одежды. У Васильева возникла идея написать письмо на имя НГШ за подписью замминистра с просьбой о выдаче комплекта зимней формы одежды. По статусу он был заместителем руководителя, но не это главное, предстояли выезды в районы отвода боевой техники для инспекции с ОБСЕшниками и на «передок».

Из казенного имущества у него была только каска и бронежилет, не понятно какого поколения, доставшиеся от предшественника. К бронежилетам сохранилось скептическое отношение еще с Афгана. Они поступили в батальон на втором году, были тяжелые и неудобные.

В народе «гулял» про них анекдот: «Вопрос. Пробивает ли пуля бронежилет? Ответ. Нет, она застряет в задней стенке». Поэтому офицеры предпочитали плавжилеты, набитые запасными магазинами или изготовленные умельцами нагрудники с магазинами, гранатами, перевязочными пакетами и всякой всячиной. Этот боевой аксессуар назывался «лифчиком».

К месту службы Васильев возвращался через неделю, что называется «не солоно хлебавши». НГШ из «большой любви» к МЗСу отказал в просьбе, типа: «Не положено!».

«Значит, красоваться НГШ в неуставных американских берцах — положено, а получить какой-нибудь бэушный

бушлат — не положено». «Сказал бы я тебе пару слов, как “вокер” “вокеру”. Ну, да ладно, неприятность эту мы переживем», — решил Васильев, складывая в сумку зимнюю куртку в стиле милитари, купленную когда-то в Вене.

Службова записка, в которой он излагал свои предложения по линии СЦКК, в том числе о создании группы дипломатов для работы в СЦКК на ротационной основе, вернулась с автографами начальников без резолюций на его полочку в канцелярии, куда складывались документы «до виконання».

«Спасибо, что почитали и не наказали. Как говорят в армии, инициатива наказуема. До дембеля три месяца. Зимней формы одежды нет, но вы держитесь» — размышлял Васильев невесело.

И даже в театре его ждали огорчения. Друг Васильева, режиссер Юрий Гочевенко, поставивший на сцене театра Франко целый ряд блестящих спектаклей, оказался «за бортом» буквально накануне начала работы над новой постановкой пьесы «Дамы и гусары». Он не был штатным режиссером Театра, но выпустил намного больше кассовых спектаклей, чем некоторые штатные. Ему доверял худрук Сергей Данченко, а впоследствии и Богдан Ступка.

Любимым спектаклем Васильева был «Леди и адмирал» по пьесе английского драматурга Теренса Реттигана. Он не раз наблюдал в финале представления, когда на причале, сбиваемая ветром, обезумевшая от горя и рома, леди Гамильтон (Земляникина) ждала корабль с телом Нельсона (Задунайского), женщины в зале утирали слезы. В это время на сцене грустно «били склянки».

Долг перед Родиной, честь и любовь — эти понятия в спектакле были показаны с невероятной силой.

После премьерного показа бывший «островной Керивник» Васильева Георгий Тимофеевич организовал для исполнителей главных ролей пикник на одном из днепровских островов с выходом к месту на военном катере.

Нельсон-Задунайский смог почувствовать палубу и запах брони боевого катера, а леди Гамильтон-Земляникина испытала восторг на капитанском мостике. Их же театральный капитан Юрий Гочевенко был сражен наповал военным гостеприимством и был оставлен ночевать в матросском кубрике.

Во время гастролей Театра в Севастополе спектакль шел с ошеломляющим успехом. После гастролей спектакль был снят с репертуара.

Только и оставалось, что вспомнить Высоцкого: «Нет ребята, все не так. Все не так, ребята».

У каждого режиссера в театре есть свои актеры. Были такие и у Юры. Они шли вместе от спектакля к спектаклю, деля радости и невзгоды театральной службы. О них, как о своей команде, с гордостью режиссер рассказывал в многочисленных интервью.

Васильев стал свидетелем горячих разговоров в закулисном буфете, а затем в гримерке, когда прошел слух о том, что ему не дадут делать этот спектакль. Звучали намерения обратиться к руководству, заверения идти с ним до конца и, как минимум, отказаться работать над спектаклем с другим режиссером.

В тот вечер они вышли из театра втроем. С Лэсем попрощались возле входа в метро на Городецкого.

— Может, по пятьдесят коньячку и кофе? — предложение прозвучало от режиссера.

— Не по таланту мало, Мэтр! Вы любимый ученик Андрея Гончарова и Марка Захарова, как Вам не совестно.

— А кто сказал, что это финал?

— Где Вы предпочитаете выпить свои пять по пятьдесят в это время суток? Может, у «Феллини»?

— Кино не моя стихия. Я театральный режиссер, и мне ближе декорации народной «стекляшки-наливайки» или гастронома, там можно спокойно взять на вынос.

Посетив гастроном на Крещатике, они спустились в подземный переход и устроились в кафе за стойкой. Стаканчики для коньяка освободились после распития залпом заказанной минеральной воды. Также залпом Мэтр выпил свои первые сто и после глотка кофе потекла его неспешная речь:

— Фенита ля комедия. Ни хрена не будет. Со спектаклем проехали. Жаль, конечно, я такой финал придумал. Гусары прощаются с дамами перед уходом на войну 1812 года и кружатся в вальсе. Начинает падать снег, все, впереди гибель.

— А Лэсь не может повлиять? — наивно спросил Васильев.

— Кто, Слон?

Гочевенко с Задунайским учились вместе в Карпенко-Карого. Юра пришел в институт после службы в танковых войсках, и с тех пор его авторитет для Задунайского был непререкаем.

— У Лэся гордый, чеканный профиль, хоть на монету помещай, но в душе он сама мягкость. Все, что говорилось, это так, чтобы поддержать меня морально. Актеры — они были и остаются подневольными людьми.

Юра подлил в стаканчик коньяка, выпил и продолжил.

— Я не проиграл в этом театре ни одного спектакля и авторитет завоевывал не умными разговорами в «закулисном» буфете. Шесть спектаклей — это, как шесть сражений.

— И шо дальше? Какие Ваши творческие планы? — вопрос сам вырвался у Васильева, несмотря на всю его нелепость.

— Мой великий учитель Андрей Гончаров говорил: «Режиссура — это профессия одиночек».

Он налил стаканчик до краев и медленно выпил.

— На третьем письме Театра Моссовета на Ельцина, когда он был на воеводстве в Москве, с просьбой о прописке меня в «сталице», он сделал резолюцию: «С удовольствием поедем на его спектакли в Полтаву».

— Больше вопросов не имею.

— Ну что, по пятьдесят и все?

— Да, шо тут пить...

Юра откинул седые пряди волос со вспотевшего лба, сверкнул глазами и страшным шепотом начал декламировать:

Ветром опита, льдом обута, улица скользила.

Лошадь на круп грохнулась, и сразу

за зевакой зевака,

штаны пришедшие Кузнецким клёшить,

сгрудились, смех зазвенел и зазвякал:

— Лошадь упала!

— Упала лошадь! —

Смеялся Кузнецкий.

Лишь один я голос свой не вмешивал в вой ему.

Подошел и вижу глаза лошадиные...

Улица опрокинулась, течет по-своему...

Подошел и вижу —

за каплицей каплица по морде катится,

прячется в шерсти...

И какая-то общая звериная тоска, плеща,

вылилась из меня

и расплылась в шелесте.

Васильев никогда в жизни не слышал этих стихов. Как бы прочитав его мысли, Юра мотнул головой и с горечью сказал:

— Владимир Маяковский, «Хорошее отношение к лошадям», 1918 год.

— Понял, тогда по коням.

— Ты иди, я еще немного здесь побуду.

Васильев кивнул и протянул ему руку. Так часто заканчивались их встречи:

— Я приеду на твой спектакль в Полтаву.

Уже в поезде Васильев вспомнил забавный эпизод, когда приезжал в Сумы к Гочевенко, ставившему спектакль в местном театре.

Он присутствовал на пресс-конференции в холле театра перед премьерой. Рядом со столом президиума, где восседал маститый режиссер из столицы в окружении руководства театра, почему-то стоял стол, на котором в несколько рядов были выстроены бокалы с белым вином.

После речи Мэтра, ведущая обратилась к присутствующим и предложила задавать вопросы. Васильев поднял руку как пионер и, получив право голоса, спросил:

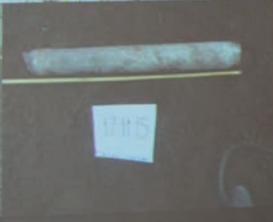
— Можно ли выпить вина?

По окончании мероприятия они по пути в гостиницу не прошли мимо ни одной «стекляшки», за месяц работы в театре над постановкой очередного шедевра в этих народных заведениях столичного режиссера знали и принимали как родного.

MLRS "Grad" shelling, Krasnogorovka 16 Nov 2015

*Комплекс мер по выполнению
Минских соглашений:*

*5. Обеспечить помилование
и амнистию путем введения
в силу закона, запрещающего
преследование и наказание лиц
в связи с событиями, имевшими
место в отдельных районах
Донецкой и Луганской областей
Украины.*

Вместо эпитафии

6.

За время отсутствия Васильева в российской части СЦКК сменился руководитель. Новым руководителем стал генерал-лейтенант Калоев, по должности он был замом командующего войсками Центрального военного округа РФ.

На первом утреннем «намазе» после возвращения из командировки Васильев с интересом наблюдал за его стилем работы. Впереди было еще три месяца совместной деятельности. Одним из пунктов оценки обстановки, как учили в «автошколе», была оценка противника.

Первое впечатление оказалось позитивным, насколько это было возможно в тех специфических условиях.

Хасан Бекович, осетин по национальности, с присущим южным темпераментом, казалось, устремил всю свою энергию на решение сугубо практических

вопросов СЦКК: наблюдение (на 8 наших постах работали российские офицеры, и 8 украинских офицеров находились в Луганске), прекращение обстрелов, взаимодействие сторон при работе ремонтных бригад и никакой политики в разговорах. Оговорка по Фрейду у него случилась позже.

После окончания совещания с наблюдателями ОБСЕ, народ сосредоточивался в курилках, продолжая общение. ОБСЕшники уезжали в Краматорск на свою «базу» через кафе неподалеку. Там иногда Васильев общался с ними в неформальной обстановке, доводя «сигналы», как говорят в МЗСе.

Калоев подошел к Васильеву возле курилки, они обменялись рукопожатием.

— Я приходил в вашу историческую группу. Володя Титов мой товарищ по училищу.

Информированность генерала о скромной персоне Васильева оказалась на несколько порядков выше, чем

у того о генерале. Уже в ходе общения многое прояснилось. Хасан Бекович закончил Общевоинское училище в городе Орджоникидзе (по-курсантски Ордж.ВОКУ) на три года позже Васильева, так что по сроку службы старшинство было за последним. В Академию Фрунзе он поступил через год после Васильева, а его однокашник Титов учился в военно-исторической группе вместе с Васильевым.

— И где сейчас Володя? — спросил с интересом Васильев.

— Я точно не знаю, но могу уточнить.

Через несколько дней генерал рассказал, что Титов уволился из армии и уехал в Чехию на пмж.

— Молодец, а Вы не собираетесь увольняться? — спросил Васильев.

В ответ Калоев рассмеялся:

— Очень дипломатичный вопрос.

— Ну, я же дипломат. А Вы дважды были в Сирии. Это по военно-дипломатической линии?

— Вы — афганец, я — сириец.

— Больше вопросов не имею.

Так они и жили в режиме «вопрос-ответ», как в телевикторине «Что? Где? Когда?».

«Казус генерала Калоева», как про себя окрестил этот эпизод Васильев, произошел на совещании примерно через месяц. Во время доклада украинской стороны о мероприятиях боевой подготовки, проводимой отдельными подразделениями формирований «ЛДНР» вблизи линии разграничения, генерал попросил уточнить отдельные моменты, и тут у него вырвалась фраза:

— Я же за них отвечаю.

— Вы отвечаете за организацию и проведение боевой подготовки подразделений «ЛДНР»? — мгновенно отреагировал Васильев и вежливо улыбнулся.

Переводчик исправно переводил старшему группы наблюдателей ОБСЕ. Генерал несколько смутился и начал давать пояснения переводчику при общем оживлении зала.

Уже позже наши разведчики подтвердили, что во «втором действии марлезонского балета», когда генерал бывал за линией разграничения для выполнения задач СЦКК, он успевал поруководить организацией боевой подготовки бурятских шахтеров на высоком методологическом уровне.

«Неужели в расейской армии не хватает генералов, чтобы разделить функции в СЦКК и штабе группы оккупационных войск на Донбассе. А то совсем неприлично получается — три дня кипит работа по прекращению огня, а на следующие три дня надо мчаться в подшефные вооруженные формирования для организации системы огня. И куда бедному генералу подеться», — с сочувствием подумал тогда Васильев.

По вечерам после ужина и вечерней прогулки, правда, без песни, Васильев шел в номер, который занимали начальник штаба украинской части и его зам. У них начиналась горячая пора по «тушению огня» телефонными средствами связи, а в перерывах проводилась «работа на картах», а именно: расписывалась старая добрая «пулька», или преферанс, чтобы было понятнее для детей интернета.

Примерно недели через две пребывания в санатории Васильев получил приглашение на «вечерние посиделки» к начальнику штаба, где его проверили «на вшивость» за рабочим столом. Лист А4 был расчерчен для игры по всем правилам штабной культуры. В качестве материального обеспечения штабной тренировки гостем была представлена бутылка «SIR EDWARDS».

Тренировка прошла успешно. Афганская школа «пульки» победила, что раззадорило партнеров повысить свой профессиональный уровень и взять реванш. Такие вечера стали традицией и дали возможность Васильеву изучить «внутреннюю кухню СЦКК».

Картина маслом выглядела так: в комнате дежурной смены 24 часа в сутки находились три российских и три украинских офицера. Когда начинался обстрел, каждый звонил своим с требованием прекратить безобразие. Если дежурным не удавалось достичь результата, в работу включались начальники штабов, в случае неуспеха дело в свои руки брали генералы.

Также в Афгане в его отдельном ДШБ коротали вечера за «пулькой», снимая психологическое напряжение после выходов для сопровождения колонн и операций. Иногда шли играть сразу после того, как в одной из рот посидели за столом, на котором стояли стаканы с водкой и куском хлеба сверху. Лексика преферанса прочно вошла в повседневную жизнь и работу. В случае крайнего «везения», звучал уточняющий вопрос: «Что, два туза на мизере?» Удивление и непонимание очевидного выражалось фразой: «Господа офицеры, почему не сыграл мой козырный туз?» Ответ все расставлял на свои места: «Расклад, ба-тюшка, расклад». Ну, а выражение «Снести в прикуп» стало классическим примером циничного черного юмора.

После возвращения Васильев познакомился не только с российским генералом, но и со старшим группы ОБСЕ, представителем Молдовы, вернувшимся из отпуска. За чашкой кофе они сразу же нашли общий язык. Любомир, так его звали, тоже был офицером запаса с академическим образованием. Его объективность в работе не вызывала сомнений. Другое дело, что сами наблюдатели были обре-

менены кучей внутренних инструкций и мандатом СММ. Среди международных наблюдателей были и россияне, которые «вносили свой посильный вклад» в дело создания доверительной атмосферы между сторонами.

После того как группа наблюдателей уехала, подкрепившись свежими булочками, Васильев остался один в кафе. Утренняя работа была сделана: сводка СЦКК с данными по нарушениям режима прекращения огня за сутки отправлена в МИД, на совместном совещании ничего особого не произошло, так что можно было не отписываться, выезды на инспекцию отведенной техники не планировались. Обычно Васильев в это время совершал длительные прогулки по местным окрестностям. Пейзажи напоминали места детства возле родного шахтерского городка. Но сегодня он решил посидеть в кафе и почитать привезенные с собой киевские газеты. Он заказал большую чашку кофе с молоком (в Вене оно имело красивое название «меланж») и погрузился в чтение.

В «Бульваре» было большое интервью с Кобзоном. Читая его, Васильев периодически, как в песне пелось, по волне памяти, переносился то в Афганистан, то в Монголию, то в Киев, где ему довелось видеть концерты народного артиста СССР Иосифа Кобзона, сохранившего любовь к советской Родине и утратившего способность здраво рассуждать о днях теперешних.

В Кабуле Кобзон выступал в клубе «старого» микрорайона, где жили наши советники. В клубе по выходным дням крутили кино или организовывали танцы. Там же выступали и приезжающие звезды советской эстрады. Кобзон был едва ли не первым, кто приехал в Афганистан.

На концерт народ с пригласительными билетами чуть не выломал двери, прорываясь в клуб. Кобзона не отпускали часа три, хотя его ждали на афганском телевидении.

— Ладно, подождут еще. Правильно я говорю? — обратился он к зрителям и после дружных аплодисментов снова запел.

От летней жары он чуть не упал на сцене, теряя сознание. После нашатыря концерт продолжился. Он спел о Владимире Высоцком. В 1982-м тема неудобного певца и поэта успешно замалчивалась силами партии и правительства. Еще был жив дорогой Леонид Ильич. А в афганских дуканах с большим успехом продавались кассеты с песнями Высоцкого.

В Монголии Кобзон пел прямо на плацу танкового полка. Командир полка, представляя его, ошибся в звании и назвал заслуженным артистом СССР.

— Полковник, я же тебя не называю подполковником, — резко отреагировал тот.

В Киеве после окончания концерта во Дворце культуры «Украина», посвященного годовщине вывода советских войск из Афганистана, он еще до полуночи пел в зале, где был сервирован фуршет. Спиртное даже не пригубил, сказав, что давно сидит на лекарствах. О нем уже тогда была написана эпитафия: «Как не остановить бегущего бизона, так не остановить поющего Кобзона».

«Скучно, девушки!» — Васильев мысленно процитировал слова Бендера, сказанные васюкинским любителям шахмат, и перевернул страницу, не дочитав интервью до конца.

Глотнув остывшего кофе, он попытался вернуться к анализу беседы с ОБСЕшниками, но имя Любомир направило его мысли к другим берегам. Так уж получается, что в ми-

нуты отдыха в условиях армейской жизни человек чаще предается воспоминаниям.

Давность некоторых событий, о которых думал Васильев, уже превышала классику жанра — двадцать лет спустя и десять лет спустя. От этого становилось немного грустно.

С «душкой» Любомиром, он встретился в Бухаресте, когда пробил себе командировку туда, работая в МЗСе в отделе НАТО. Основанием для нее послужило приглашение от МИД Румынии. В румынской столице проводилась Конференция, организованная Гарвардом, на тему безопасности Черноморского региона (к этому времени Крым и Севастополь были уже оккупированы). И поскольку эта поездка не влекла за собой финансовой нагрузки (дипломат едет полностью за счет принимающей стороны), удалось получить все необходимые подписи.

«Водночас» — слово, часто употребляемое дипломатами при написании информационных документов, которое означает, что «все так, та тільки трішечки не так». Шельменко-денщик, как известно, человек не без военно-дипломатического таланта, употреблял эту формулу в самых критичных ситуациях. Так вот, когда письмо с кандидатурой для участия в Конференции было наконец отправлено в МИД Румынии, адресат вежливо сообщил, что срок подачи заявок миновал.

Любомир в это время стал Временным поверенным после «скоропостижного» отъезда Посла Украины в Румынии. Посол, представитель черновицкой громады, руководил Посольством дважды. Первый раз его назначил Кучма, второй раз — Янукович.

Игнорируя хорошо известное выражение «уйти по-английски», Посол ушел «по-черновицки». Поздно вечером

он приехал в Посольство, собрал вещи, оставил заявление на столе — и поминай как звали.

Временный поверенный все-таки добился для Васильева разрешения румынского внешнеполитического ведомства об участии в заседаниях, ну а дорога, проживание и питание — за счет сильно желающего украинского дипломата.

Переезд по маршруту Киев–Бухарест Васильев решил совершить на личном автомобиле. Для проживания Любомир предложил каморку в Посольстве, где размещали дипкурьеров. Питание — сухим пайком — где наша не пропадала. Зато какая ждет волнующая встреча с местами боевой славы через 15 лет.

Кроки маршрута Васильев составил таким образом, чтобы границу пересечь в хорошо знакомом пункте перехода Порубное, а оттуда — рукой подать до родины предков. Папа был похоронен в Румынии в его родном селе Изворы, рядом со своей мамой, как он хотел. Сельское кладбище располагалось на горе, и оттуда открывался удивительный вид на Карпаты.

Поднимаясь к его могиле со своим дальним родичем Джелу, по фамилии Волошнюк, он увидел свежую могилу, заваленную цветами. На ней лежали также венки от Министерства обороны Румынии и Службы информации. На табличке он прочитал фамилию Моцко.

— Йой, його закатували в Афганістані. З Букарешту на похованні були генерали і жолнери стріляли салют, — пояснил Джелу.

— Я його знав. Ми зустрічалися, коли я працював у Букарешті. Тато казав, що він також наш далекий родич.

С Михаєм они познайомились, як родичі, с помощью папы и несколько раз встречались. Михай к тому времени

отработал в посольстве Румынии в Москве, поэтому было о чем поговорить за обедом. То, что он является сотрудником службы внешней разведки, не вызывало сомнений, но по этому поводу они только шутили.

Этот трагический отголосок Афганистана здесь, в Карпатах Румынии, казался каким-то сюрреалистичным.

Наше Посольство в Бухаресте переехало и теперь располагалось в старинном особняке на проспекте Авиаторов, недалеко от дома, где квартировал Васильев в бытность свою старшим помощником ВАТа.

К Посольству он подъехал поздно вечером. Дежурный комендант встретил его радушно и проводил в отведенную ему комнату, напоминавшую дворницкую Тихона из «Двенадцати стульев».

Утром в холле Посольства он встретил улыбающегося, слегка располневшего Любомира. Они обнялись.

— Пане полковнику, радий Вас бачити. Як розмістилися?

— Прекрасно, прекрасно. Сквородку подкиньте, пане Тимчасовий повірений, яичницю с брынзою хочеться сделать.

— Пане полковнику, я Вас запрошу на обід.

— Мульцумеск мульт, Ваша дружина так гарно готує, а її чай із каркаде був неперевершений.

— Лідія зараз вдома у Чернівцях.

— Любомир, так ты холостякуєшь? — смеясь, спросил Васильев.

При этих словах Любомир слегка зарделся:

— Може, тебе підвезти до «Інтерконтиненталу»?

Конференция проходила в этом отеле, находящемся в самом центре города.

— Нет, спасибо, я прогуляюсь.

— А в мене буде для Вас сюрприз, пане полковнику, — тепер торжествовав Любомир, загадочно улыбаясь.

— Шо, кастрюлю из дома принесеш, чтобы было в чем борщ сварить?

— От Ви, вознні, завжди вміли гарно жартувати.

За это нас Посол и любил.

Они вышли к воротам вместе.

— Гарний у нас будинок, — то ли спросил, то ли констатировал Любомир.

— Ага, еще бы покрасить его.

— Гарзд, пане полковнику, тоді до завтра. Ввечері у мене прийняття.

В конференц-зале отеля Васильев отыскал представительницу румынского МИДа и отрекомендовался, используя запас комплиментов для дам на румынском языке, периодически заикаясь. Дама из МИДа была приятно удивлена определенным разговорным навыкам украинского дипломата, после чего уточнила, что поездка в устье Дуная, к сожалению, рассчитана только на определенное количество участников Конференции. На что Васильев заметил, что он и не рассчитывал на участие в культурной программе, главное — поработать на таком представительном форуме.

Проскучав на открытии Конференции от торжественных приветственных речей и официальных спичей до перерыва на ланч, он покинул благородное собрание, дабы не объесть своевременно зарегистрированных участников. Единственным интересным моментом было выступление политолога от страны-оккупанта. Оказалось, что здесь, по приглашению Гарварда, присутствовали представители интеллектуальной элиты, находящиеся в оппозиции

к официальной политике РФ. И при этом, как ни странно, они называли белое — белым, а черное — черным.

Выйдя из отеля, Васильев решил начать свою ностальгическую прогулку по Бухаресту с университетского городка, значительные площади которого были захвачены букинистами, как набережная Сены в Париже.

На следующее утро они также в холле встретились с Любомиром. Тот лучезарно улыбался.

— Где сковородка, Любомир?

— Я попросил секретарку, вона тобі має принести сьогодні.

— Это же «дедовщина», пане Тимчасовий повірений.

— Ходімо, пане полковнику, Вас зараз підвезуть на Конференцію, якщо захочете, — снова как-то загадочно произнес Любомир, проигнорировав обвинение в неуставных взаимоотношениях.

Они вышли к воротам и минут пять говорили про всякую всячину — от новостей в родном ведомстве до черновицких сплетен о кандидатуре будущего Посла.

— Ось і вони, — Любомир указал на подъезжающую красную «Дачию».

Из остановившейся машины вышла Аница и радостно спросила слегка остолбеневшего Васильева:

— Як ся маєте, пане Володимире? — это прозвучало так, словно они только вчера расстались.

Васильев не успел ответить. С водительского места, задержавшись на несколько мгновений, вышла Кристина в розовом приталенном брючном костюме. Васильев, казалось, еще больше остолбенел.

— Буна зиуа, домнулколонел, — сказала она с грустной улыбкой и протянула руку, на безымянном пальце Васильев увидел два золотых колечка.

*Комплекс мер по выполнению
Минских соглашений:*

*6. Обеспечить освобождение
и обмен всех заложников
и незаконно удерживаемых лиц
на основе принципа «всех на
всех». Этот процесс должен быть
завершен самое позднее на пятый
день после отвода.*

Вместо эпитафии

7.

Наши офицеры, как и офицеры российской части СЦКК, носили полевую форму одежды. К слову сказать, ее вид и, пожалуй, качество у россиян превосходили нашу.

Чтобы чувствовать себя в строю, Васильев надевал форму на выезды и на совещания. Этого было достаточно, чтобы ощутить ее неудобство. Форма казалась картонной, в ней было жарко и хотелось побыстрее снять. Неудивительно, что на «передке» добровольцы предпочитали иметь скорее б/у западных стран, чем нашу новую.

Когда-то в училище вместо простой летней х/б начала поступать экспериментальная форма, пропитанная какими-то растворами, якобы предохраняющая от возгорания во время боя при применении противником химического оружия.

Она не пропускала воздуха и неестественно блестела, отчего получила обидное прозвище — «гандон». Уважающие себя «вокеры» всеми правдами и неправдами старались заменить ее нормальным х/б. Благо, на складах работали советские прапорщики.

Лишь замначальника штаба россиян довольно часто являлся на утренние совещания в повседневной тужурке, и на груди его могучей красовались колодки медалей, полученных за безупречную службу. Они-то и привлекли внимание наших контрразведчиков.

После одного из совещаний в номер к Васильеву зашел представитель СБУ и очень удивился, увидев облагороженное в эстетическом плане жилище украинского дипломата. Васильев, вселившись, очень тщательно подошел к созданию полевого уюта. Как водится, сделал перестановку кровати, тумбочки и стола и тщательно вымыл пол. Из соседнего закрытого здания местной школы он, с разрешения коменданта, притащил два маленьких топчана, из ящика и нескольких досок соорудил журнальный столик, покрыл его недорогой скатертью из местного хозмага и водрузил на него два аляповатых подсвечника, купленных там же. Таким образом, получился мягкий уголок. Со стекол он убрал «светомаскировку» из пожелтевших и выгоревших газет и поставил на подоконник два горшка с геранью, реквизированных из коридора, где их забывали поливать.

Стены «гостиной» части номера украсили репродукции Моне, купленные еще в Вене и пылившиеся на чердаке дачи. Их Васильев привез после первого «увольнения на берег». Над кроватью повесил рисунки детей, а у кровати положил домотканную рогожку, приобретенную на местном базаре. В суворовском училище прикроватные коврики, пошитые из старых одеял, расстилались перед

сном, а утром сворачивались трубочкой и крепились к кровати проволокой.

— Джин, виски, тоник? — радушно спросил Васильев вошедшего офицера.

— Я на службе, — нарочито серьезно ответил пан подполковник.

— Извините, водки у меня нет, можно запарити каву.

Пока Васильев колдовал над кавой, подполковник рассматривал репродукции.

— Кстати, о живописи, — заметил он. — Одна из цветастых колодок российского ЗНШ — это медаль за возвращение Крыма. Как Вам это понравится?

— Мне это совсем не нравится. Это какой-то позор, профессор, как говорил товарищ Швондер. А что думает по этому поводу начальник транспортного цеха?

— Думаю писать нашим предложения по этому поводу. А Вы можете своим написать, чтобы поддержать инициативу?

— Почему нет? Как мне кажется, можно отправить товарища-«возвращенца» домой за нарушение санаторного режима и впредь не давать разрешения на работу в СЦКК таким медалистам.

— Ну, за содружество родов войск! — Подполковник приподнял чашку с кавой, как при тосте.

Приблизительно через месяц выяснилось, что СБУ после доклада своего сотрудника направило письмо в МЗС с предложениями принять соответствующие меры, а МЗС, в свою очередь, отреагировал на доклад Васильева и написал письмо в СБУ, в котором тоже предложил принять соответствующие меры.

В общем хотели, как лучше, а получилось, как в феерическом финале спектакля Театра им. И. Франко «Тевье Тевель».

МЕНАХЕМ: Здрастуйте, реб Тев'є! Як кажуть: а ось і ми!
(Пауза) Реб Тев'є, у мене таке враження, що ви нам не дуже раді. Ви отримали мою телеграму?

МОТЛ: Отримали...

МЕНАХЕМ: Ну?

МОТЛ: Шо «ну»? Ось ваша телеграма. «ПРИЇДДАЙТЕ ПОЖИТИ МЕНАХЕМ З МАМОЮ».

МЕНАХЕМ: Не «ПРИЇДДАЙТЕ», Мотл, а «ПРИЇДДАЄМО».

МОТЛ: Тут «те».

МЕНАХЕМ: Я отримав від вас відповідь. *(Дістає телеграму)* «Дякуємо! Вік не забудемо. Сім'я Тев'є».

МОТЛ: Менахем, ви здорового глузду чи ні? За що написано «дякуємо»?

МЕНАХЕМ: Як за що? Я думав, за те, що приїжджаємо...
(Пауза).

ТЕВ'Є *(не витримає, підняв руки до неба)*: Боже милосердний, і Ти хочеш, щоб я мовчав?

Сміється. За ним починають сміятися інші. Хтось плаче.

СТЕПАН: Ну, народ... З вами не скучиш...

Это был 2015 год, что уж говорит про безоблачный 2008-й. В тот год Васильев вернулся из венской длительной командировки и продолжил службу в Департаменте международной безопасности, ДМБ в простонародье, под руководством начальника, считавшегося в МЗСе бо-о-ольшим оригиналом.

Одним из самых ярких событий его посольской деятельности была драка и погром в полицейском участке, куда его доставили за вождение автомобиля в нетрезвом виде.

— Какой шкандаль. И что было потом? — живо интересовался Васильев подробностями неординарного события в украинской дипломатической практике, беседуя на перекуре с Астаховым.

— Как что? Его отозвали и позже наградили за укрепление украинско-польской дружбы с последующим назначением послом в одну из латиноамериканских стран.

— Для укрепления украинско-латиноамериканской дружбы, я так понимаю? Да, не хотел бы я работать в той латиноамериканской стране.

— Ну, Вы же знаете золотое мидовское правило, выбирают для работы не страну, а посла. А Вам, по-моему, хватит работы с ним и в вашем ДМБ.

Прогноз ветерана УПАП Астахова, что в переводе означает Управление политического анализа и планирования, сбылся в лучшем виде.

А началось все с ноты посольства очень дружественной в ту эпоху страны.

В сфере служебных обязанностей Васильева находился, как и в Вене, Гаагский кодекс поведения. Суть его заключалась в том, что страны-участницы оповещали венский контактный пункт ГКП о запусках баллистических ракет. Россия к тому времени, обидевшись непонятно на кого, перестала информировать контактный пункт о своих запусках, как та маленькая, но гордая птичка из тоста в фильме «Кавказская пленница», что оторвалась от коллектива.

Уведомления о запуске украинских ракет наше космическое агентство направляло через МИД, в общем, рутинное дело. Получив информацию НКАУ, Васильев переадресовал

ее в ГКП. Но, как оказалось, «в пачпорте ошипка». Запуск на самом деле произвели россияне, но на стартовой площадке присутствовала украинская делегация, поскольку какие-то части двигателя были изготовлены на Южмаше.

В ноте «старших космических братьев» украинская сторона клеймилась позором. С праведным гневом указывалось на то, что мы суемся не в свое «баллистическое» дело и посягнули на суверенное право великой космической державы самой решать оповещать или не оповещать.

Директора ДМБ от прочитанного охватила паника. Крайним во всем оказался Васильев, потому как не досмотрел. А шо не досмотрел, было непонятно. К тому же встал вопрос написания ответной ноты с покаянием. Покаяние у Васильева не получалось. Проекты ноты перечеркивались и рвались начальником.

В общем, как в популярной комедии Гайдая: «Шеф, все пропало..! Клиент уезжает, гипс снимают!» Крайний вариант был подан курирующему замминистра на утверждение. Хоть тут повезло. Он был, как это говорится по-русски, — умница, интеллектуал и либерал. Десять лет преподавательской работы несомненно сказались на стиле его общения с подчиненными. Он носил отпечаток старой доброй интеллигентности.

Когда замминистра пригласил директора с двумя исполнителями ноты к себе, у того началась истерика с метанием молний гнева в сторону Васильева. В кабинете же зама потекла спокойная работа по анализу произошедшего и проекту ноты. Васильеву предоставили слово. И он, разбалованный в Вене возможностью свободно доносить свои мысли Послу (также из категории «умниц») и демократическим стилем руководства замминистра, стал излагать свое видение, заключавшееся в следующем. Несмотря на

случившуюся ошибку НКАУ, запущенная ракета, сделана не без участия Украины, а Кодекс — дело добровольное и не надо нас срамить, как нашкодивших школьников. В этот момент он почувствовал, что начальник под столом колотит его по ноге.

No comments.

Остановились на том, что надо подредактировать еще немного ответ. Через час Васильев снова пошел к заму, теперь в гордом одиночестве. Руководитель перестал его замечать и отдавал свои распоряжения через начальника отдела.

Когда Васильев постучал и вошел в кабинет к заму, тот весело встретил его фразой Мюллера, обращенной к Биттнеру:

— Случилось что-нибудь невероятное. Мы заняли Москву.

В отличие от Биттнера Васильев позволил себе кисло улынуться, хотя на душе полегчало.

Зам взял текст, повертел его в руках, затем посмотрел в окно.

— А почему мы, собственно, должны отвечать на эту хамскую писанину?

— И я о том же, — Васильев облегченно вздохнул.

— Ну, вот и решили. Не дождутся.

С того дня Васильев стал «personanongrata» для своего непосредственного начальника-дебошира и гордо пронес это звание «через тернии — к звездам» (вплоть до очередной ротации).

По вечерам, если не было «работы на картах», Васильев общался с домом, а потом с бокалом вина смотрел на служебном ноутбуке очередной сериал или фильм для души.

Как-то на него по одной из соцсетей вышел товарищ по училищу. Сдружились они на почве любви к танцевально-

му искусству. Сергей стал «примой» в ансамбле народного танца 4-й роты «Березка», которым руководил Васильев. Коронным номером ансамбля был одноименный танец, исполнявшийся в платочках и сарафанах, не скрывавших волосатых ног артистов. При этом зал клуба содрогался от рева и хохота.

Переписку с Сергеем Васильев перечитал через семь лет после начала войны со смешанными чувствами горечи и боли. Сергей писал ему тогда из Горловки.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ 2015 ГОДА

[27.11.2015] **Владимир:** Здорово, Серега! Я сейчас в Соледаре работаю в Совместном украинско-российском центре по контролю за прекращением огня. Как дела у тебя? Ты сепаратист или мирный военный пенсионер?

***Сергей:** Вова, привет. Мне хватило 28 лет при погонах, баста, почти 10 лет удалось прожить без военщины, но вот уже второй год война не даёт покоя — лезет прямо в мой дом. 13 февраля пересёк 57-летний рубеж, а 14 февраля родная армия прислала подарок (за 10 часов до «прекращения огня») обстреляла родительский дом, 86-летняя мама чудом осталась жива. В связи с этим у меня к тебе вопрос, коль ты в совместном украинско-российском центре. Когда ждать реального прекращения огня? Конечно вопрос наивный, но всё же.*

[28.11.2015] **Владимир:** Привет, Сережа. Я тебе очень сочувствую по той ситуации, в которой ока-

зался ты и твоя мама. Вот уже почти три месяца каждое утро я получаю информацию о погибших и раненых, морально это нелегко. Ночь офицеров как украинских, так и российских проходит в постоянной работе по гашению огня.

Что касается моей оценки, я пессимистичен. К сожалению, все идет к затягиванию такой ситуации. Главным, мне кажется, является прекращение воздействия и подпитки извне, закрытие границы. Я считаю украинский народ сам в состоянии навести лад в своем доме. Но раны будут залечиваться долго. Я был в Боснии там тоже была война, трагедия и жертвы, но к миру пришли, как ни труден был путь.

Сергей: *Вова, привет. Я в вопросе нынешней ситуации тоже пессимист, во многом с тобой согласен. не согласен в вопросе границы. Закрытие границы — это голодная смерть для местного населения. Сейчас практически все товары у нас из России. Украина отгородилась от нас практически полностью, въехать или выехать проблема, нужен пропуск, да и с пропуском приходится сутками и с ночёвками в чистом поле, под дождём и в холоде. Товары и продукты не пропускают, автобусы не пропускают и т. п. У нас мультивалютная зона, но фактически — рублёвая, всё за рубли, гривну брать не хотят (куда её после девать, товар с Украины не идёт, выехать самому потратить — проблема описана выше). Добраться из Горловки до Артёмовска (Бахмута) — огромная проблема. Добраться в любой город России (хоть в Москву, хоть в Крым, хоть куда) с обычным укра-*

инским паспортом — без проблем. Регулярные автобусные рейсы во все концы. Действия нынешней украинской власти можно охарактеризовать лишь одним принципом — «Назло врагам сожгу родную хату».

Владимир: Сережа, перекрытие российско-украинской границы не означает ее закрытие, а только ее контроль с целью закрыть свободный доступ российской б/т, войск и т. д. Это же означает открытие для свободного передвижения внутренней линии соприкосновения. По сути, сейчас территория за линией является оккупированной отсюда и все проблемы.

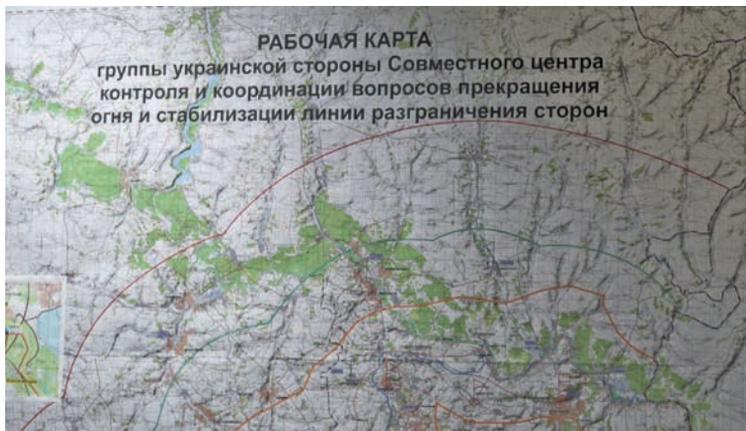
[28.11.2015 18:44] **Сергей:** Ты ролик посмотрел, что я сбросил? Весь ужас, что это сказано на ТВ, что это возможно на украинском ТВ. Гиви воюет за свои убеждения, рискует собственной жизнью, а эта гнида просто так запросто предлагает ликвидировать полтора миллиона лишних людей, сидя в тепле в студии, небось, когда принесли повестку в армию, удрал за кордон. Самое страшное, что такие будут решать, кому жить, а кому нет. А таких как показали последние два года в Украине очень много.
<http://argumenti.ru/world/2014/08/356032>

[28.11.2015 19:09] **Владимир:** Серега, я посмотрел. Он мудака, но он не говорит, о том, что надо убить 1,5 млн. Он говорит о ликвидации определенной категории. Чем он хуже того, кто говорил о мочилове в сортирах? Гиви и Моторола убивали

пленных тоже по своим убеждениям? Они военные преступники и подонки. Даже у войны есть свои правила. Серега, еще раз говорю, давай не беречь раны скальпелем. Я тебя спросил про встречу выпускников.

Сергей: *На встрече не был, хотя 5 лет ждал и готовился. Причина всё та же — отсутствие на тот период пропуска и возможности доехать.*

РАБОЧАЯ КАРТА
группы украинской стороны Совместного центра
контроля и координации вопросов прекращения
огня и стабилизации линии разграничения сторон

PUCK

THE EUROPEAN CONCERT

Комплекс мер по выполнению

Минских соглашений:

*7. Обеспечить безопасный
доступ, доставку, хранение
и распределение гуманитарной
помощи нуждающимся на основе
международного механизма.*

Вместо эпиграфа

8.

В конце ноября Васильев побывал в Киеве для продления командировки еще на месяц. Никаких рацпредложений делать он больше не собирался, да и общаться с начальством, курировавшим СЦКК, тоже не было ни малейшего желания. Он понял, что это разговор на разных языках. Интересовал только один вопрос: кто его заменит в Соледаре? Оказалось, что у «дипломатичному війську» желающих получить бесплатную путевку в «санаторий» нет. Спасибо дипломату «из леса», он проявил инициативу, и руководство его поддержало.

Зайдя к Астахову в кабинет на чашку чая, Васильев, вальяжно развалившись в кресле, предался размышлениям о грядущей кампании ротации.

— Ну, очень интересно, есть ли у меня шанс, будучи радником отдела НАТО,

попасть для дальнейшего прохождения службы в миссию Украины при НАТО на соответствующую посадку? Или туда же на первого секретаря? Или с понижением на два ранга — на второго? О третьем — ни слова, учитывая то, что конкурс будет «самый прозрачный и честный в мире», как всегда.

— Ну, Вы размечтались. Скажете еще такое. «Не с вашим опытом!» — так вы мне, помнится, говорили, — иронично заметил Астахов, оторвавшись от бумаг. — Что вы можете знать про НАТО после 25-ти лет службы в армии? Вы, кажется, и в разведке энное количество лет прослужили? Да, чуть не забыл и 13-ти лет работы в МЗСе?

— Да, был бы я младшим лейтенантом запаса, имел бы шанс возглавить Службу внешней разведки Украины.

— Тот товарищ лейтенант, или старший лейтенант, назвал себя «санитаром леса», провел «зачистку леса», но незадача вышла со служебной квартирой на площади Богдана Хмельницкого.

— Шо, с иностранной агенткой накрыли?

— Нет вроде бы, всего лишь попытался приватизировать.

— А так все красиво начиналось. Молодой перспективный дипломат, многое повидал и даже потрудился и. о. главы миссии при НАТО, опять же.

— Верховный Головнокомандувач на совещании послов с радостью доложил, что о таком кадровом решении послы мечтали все годы независимости.

— Мы в восхищении! Позитив все же есть: хорошо, что не менеджер с «Рошена», — продолжал иронизировать Васильев. — Как там говорилось в «Операции Ы»? Ну, граждане дипломаты, кто хочет поработать?

— Минск.

— Я!

— Соледар.

— Я!

— Токио.

— Я!

— Брюссель.

— Я!

— ... На сегодня разнарядки не прислал.

— Туда готовится замминистра, насколько я знаю. Он подбирает себе в команду молодых лидеров. Вы же участвовали в лидерской конференции.

Да, был грех, каюсь... Ну что ж, пойду туда, где оскорбленному есть чувству уголок. Так, кажется, говорил чеховский герой, идя в кабак.

— Это говорил Чацкий, но шел он не в кабак, а по свету.

— Не с нашим жалованием. А вот в Минске иногда и в кабак не надо было ходить. Спасибо адмиралу за то, что нам было так весело. Как сейчас помню, в Минск прибыл новый американский временный поверенный и по общепринятой практике пришел знакомиться с нашим Послом.

— И что?

— После вялотекущей протокольной беседы за столом в кабинете Посол громогласным своим «Тааак!» предложил продолжить беседу в кают-компани. Беседу продолжили с холодным пенистым пивом. Руководители расстегнули верхние пуговицы и расслабили галстуки.

— А что, вполне демократично и располагает к неформальной беседе.

— Я тоже тогда так подумал, типа маленький «октоберфест», до того момента, когда посольское «Тааак!» было переведено переводчиком американского гостя «Sooo!» Хозяин командным голосом предложил теперь под «горячее» попробовать прекрасный одесский коньяк. Для

пробы он налил каждому по полстакана. После этого снял галстук. Все последовали его примеру. Далее прозвучала команда: «Всем до дна!»

— Интересная мысль.

— После дегустации коньяка было снова пиво под второе горячее блюдо, чтобы «полирнуть». Тут, правда, возникли трудности с переводом этого слова. Потом снова пиво и на десерт — красное «Бордо».

— Должно быть, беседа прошла в духе полного взаимопонимания.

— Точно так! И заметьте, без водки, как у русских. Из Посольства все вышли поздно вечером и весело, как матросы из припортового кабачка. Правда, оговоренная встреча утром за кофе не состоялась. Американский поверенный прикрылся необходимостью встречать прилетающую супругу. «Слабак», — так оценил этот отказ адмирал.

Пребывание Васильева в СЦКК перевалило на четвертый месяц. За это время он подустал от рутинной работы. У военных прошла ротация, и надо было привыкать к новым людям. Россияне уже ничем удивить не могли. Только один раз их НШ устроил бурную сцену, казалось, еще чуть-чуть и он начнет рвать на груди тельняшку. Никто ему не ответил. Васильев пожалел только об одном, что не покинул помещение во время этой истерики. С другой стороны, его возможный демарш наши военные не смогли бы поддержать. Российский НШ в итоге уgomонился и совещание продолжилось, но осадок остался.

И еще однажды атмосфера была близка к закипанию. Российская сторона предоставила информацию с фотографиями обстрела школы украинскими ВС. Васильев после совещания подошел к НШ и высказал готовность

выехать в район инцидента, это было его инициативное решение. Оппонент этому очень обрадовался и пообещал предоставить гарантии безопасности. Условились продолжить обсуждение темы после согласования вопроса с руководством, каждый со своим.

Васильев написал письмо на МЗС. Ответа не последовало. В этом он видел «две большие разницы», как говорят в Одессе, между МЗСом и ГУРом.

На любое письмо офицеров аппарата ВАТ в Румынии обязательно приходил ответ, пусть даже иногда и с употреблением идиоматических выражений по поводу высказанных предложений. Практика работы Васильева в посольствах показала, что в МЗСе очень любят заваливать заданиями: терміновими, надтерміновими и такими, что на вчера. В каждом случае включается счетчик — и «горе не успешему». Вопросы же посольств вызывают зачастую неудовольствие начальства или вообще игнорируются.

Ко всему прочему, в столовой за обедом у Васильева случилось сильное кровотечение из носа. Военный доктор, высказался в том ключе, что «все болезни от нервов и только триппер от удовольствия». Затем он измерил давление, чего-то уколол и порекомендовал полежать денек-другой.

Выполняя рекомендации врача, Васильев с удовольствием провел два дня «на больничном», предавшись чтению и воспоминаниям о военных госпиталях, где в разное время приходилось коротать больничные сроки.

Когда в Афганистане он подхватил гепатит в первый раз, в Кабуле еще не было полноценного инфекционного отделения. Недалеко от аэродрома установили несколько больших армейских палаток, куда свозили «желтушников» для очередного «лимонного» рейса в Союз. В палатке

стояли кровати в два яруса. Из постельных принадлежностей были только грязные матрацы, одеяла и подушки без наволочек.

Самолеты отправляли в города, где были военные госпитали. Его рейс пришелся на Самарканд. Через полмесяца офицерская палата, где он лежал, взбунтовалась из-за невкусной и нездоровой пищи. Макароны изделия на гарнир почему-то давали с песком, а из курятины всем доставались только шейки. В палату пришел начмед, и первое, о чем его спросили было, когда закончится шея жирафа, которой потчуют товарищей офицеров.

По сравнению с Самаркандом, госпиталь в Днепрпетровске, где Васильев лежал со вторым гепатитом, казался просто родным домом. И медсестрички здесь были молодые и красивые.

А самым грустным оказалось посещение ташкентского военного госпиталя. Туда Васильев пришел, чтобы найти бойца из своего батальона и передать ему письма. Картина оказалась такая, что оторопь брала. Если с видом одиночных раненых и убитых во время операций он уже свыкся, то здесь на ограниченной территории увидел сразу много безногих, безруких, искалеченных бойцов и офицеров со всего Афгана. Они грелись на солнышке и были счастливы.

На второй день Васильева пришел навестить генерал и рассказал о последних новостях. Его ротация через две недели. НГШ обеспокоен возросшим количеством обстрелов и ждет, что МЗС сделает соответствующие заявления.

— Мои возможности в этом вопросе весьма скромны. Вся информация МЗС получает ежедневно, причем информация идет и отсюда, и непосредственно из ГШ, на-

сколько я знаю, — задумчиво ответил Васильев на не прозвучавший вопрос генерала.

— Ваш предшественник говорил, что может выходить прямо на Министра.

— Я с Министром не на короткой ноге, к сожалению, а может, и к счастью. Ну, а прыгать через голову начальства, вы же сами понимаете, не совсем хорошо.

— Ладно, поживем-увидим. Выздоровливайте. Родине нужны здоровые, опытные дипломаты.

— Спасибо, но сейчас большой спрос на молодых и креативных.

В течение недели количество нарушений режима прекращения огня еще больше увеличилось. Каждое утро генерал, читая сводку, обращал вопрошающий взгляд к Васильеву. Перестрелки после отбоя «тушили» по полночи. Васильев от всего этого и особенно от молчания в эфире родного МЗС чувствовал себя все хреновее на утренних нарадах.

В пятницу он сделал обобщающую информацию за последний период и с проектом письма на МЗС, в котором содержались предложениями по реагированию на обстановку, пришел вечером в номер к генералу:

— Все, что могу, как говорил командующий армией, генерал-лейтенант Петр Александрович Бессонов в исполнении Георгия Жженов в фильме «Горячий снег». Сейчас отправляю на МЗС, — он протянул генералу лист бумаги.

— Меня НГШ уже достал вопросами, что там делает этот представитель МЗСа?

— А ему слабо самому позвонить Министру? Или не царское это дело?

— Ок. А если копию этой информации направить на АПУ? Я уверен, что там отреагируют оперативнее. Я с замом руководителя АПУ работал в Брюсселе.

— Я согласен. Как говорится, меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют.

— По пятьдесят капель конька? Доктор не запретил?

— Наоборот, — рекомендовал.

В понедельник на утренней нараде генерал после доклада дежурной смены зачитал комментарий, появившийся на сайте МЗСа. Суть его сводилась к тому, что украинская сторона поддерживает позитивную тенденцию по уменьшению количества обстрелов на линии соприкосновения, что абсолютно расходилось с оценкой СЦКК. Далее говорилось о будущем визите Министра иностранных дел в Берлин.

Васильев почувствовал, как его щеки пылают. От стыда захотелось провалиться сквозь землю, как когда-то бывало в школе при ответе невыученного урока.

После того как генерал закончил свою речь обычным: «Вопросы есть?», Васильев поднял руку. В папке с документами, которые он брал с собой, была копия отправленного письма. Он зачитал его и сказал, что лично обратится к Министру.

Когда совещание закончилось, Васильев подошел к генералу:

— Хотели, как лучше, называется, — произнес он грустно.

— Ничего, бывает. Мне утром звонил заместитель руководителя АПУ. Он письмо прочитал и пообещал реакцию, возможно даже на уровне Президента. Не мытьем, так катаньем.

Придя к себе в номер, Васильев написал Министру все, что он думает по поводу комментария МЗСа и реакции офицеров СЦКК. Письмо он отправил на личный e-mail Министра, который тот предоставил для обращений дипломатов.

«До дембеля две недели, а дембель неизбежен, как крах империализма. Время пить кофе». Васильев переоделся в гражданское и вышел из здания санатория.

Две недели тянулись, как месяц. В СЦКК прибыл новый руководитель. Во истину, пути господни неисповедимы. С ним Васильев был знаком еще по службе на «Острове» и не в самый удачный период своей службы.

Это был тот самый начальник, который встретил его после возвращения из командировки в Бухарест.

Первый не нашел возможности встретиться с прибывшим офицером на протяжении двух недель, второй от такого «радушного» приема написал в отчете, что чувствует себя, словно прибыл из мест заключения. Так они обменялись военно-дипломатическими любезностями.

Теперь же Васильев был независим от этого руководителя, что радовало, но особого комфорта в их отношения не привнесло. Васильев выполнял свои обязанности и даже дольше засиживался в штабе, подключаясь к работе офицеров в постоянной готовности к вводным начальника и вопросам по линии МЗСа.

Вспоминая иногда далекие армейские годы, Васильев задавался вопросом, почему человек, решивший посвятить себя профессии «Родину защищать», зачастую должен был терпеть, кроме естественных тягот и лишений воинской службы, самодурство начальников, моральное издевательство и унижения. Неужели без этого невозможно Родину защищать? Скольких знакомых ему «служак» сломала эта

система. Были и такие, кто ушел из жизни, пустив себе пулю в висок.

Одним из самых болезненных моментов службы уже в украинских вооруженных силах, стала Аттестационная комиссия «Острова», которая рассматривала его кандидатуру для учебы в Военной академии Франции. К этому времени Васильев по настоятельной рекомендации начальства перешел на преподавательскую работу в Военно-дипломатический институт для передачи опыта молодым.

После «каверзных» вопросов начальника «контриков»: «Почему его убрали с оперативной работы на преподавательскую?» и «Есть ли у него родственники за границей, а именно в Румынии?» — Васильев удержался от ответа, мгновенно возникшего в мыслях: «Ну и сука же ты!»

Вернувшись в институт после комиссии, он написал рапорт «про звільнення із лав Збройних сил України» и поехал в закулисный буфет Театра им. И. Франко «обмывать» окончание своей воинской службы. В мыслях вертелось слова старой солдатской песни:

Как служил солдат службу ратную,
Службу ратную, службу трудную.
Двадцать лет служил и ещё пять лет,
Генерал-аншеф ему отпуск дал...

Прощание с СЦКК получилось трогательным. На последнем совместном совещании генерал Калоев вручил Васильеву почетную грамоту МО РФ и сувенир, а награжденный на основе взаимности и дипломатической вежливости подарил на память руководителю российской группы презентационные материалы НАТО под аплодисменты присутствующих.

В штабе украинской части СЦКК тоже была традиция каждому военнослужащему после окончания миссии вручать грамоту СЦКК на память. Отъезд представителя МЗСа Васильева остался незамеченным и неотмеченным.

Всему времечко свое:
    лить дождю, Земле вращаться,
знать, где первое прозренье,
    где последняя черта...
Началась вдруг война—
    не успели попрощаться,
адресами обменяться,
    не успели ни черта.

Б. Окуджава

9.

Ротация от лат. *rotatio* — «кругообразное движение, вращение», но для дипломатической сферы звучит слишком просто. Гораздо интереснее это определение в факторном анализе, а именно — это метод определения системы координат из бесконечного множества возможных систем координат, с помощью которых может быть исследована та или иная совокупность факторов. Ротация создает основу адекватной интерпретации факторов. Вот такая формулировка гораздо ближе к ротации дипломатического корпуса. Главная схожесть состоит в том, что ни черта не понятно.

План ротации каждый год ожидают сотрудники МЗСа с большим нетерпением, и вот он, наконец, становится достоянием общественности. Короткое вступительное слово замминистра вдохновляет

на участие в ней что называется и стара, и млада, обещающая бескомпромиссную борьбу и прозрачность конкурса за место под крышей посольств в самых разных уголках на политической карте мира.

В результате ротационный вопрос повлиял на дипломатов так же, как квартирный вопрос на москвичей, если верить Булгакову.

Когда Васильев учился в Киевском ВОКУ, каждый курс имел свое кодовое название.

Первокурсники в этой школе злословия характеризовались, как «без вины виноватые». Подобная категория существует не только в закрытых военных заведениях. Если вам предлагается командировка в солнечную Нигерию, можете считать себя в этой команде.

Второй курс имел жизненное кредо «приказано выжить». Слоган близкий подавляющему большинству трудового мидовского люда. С ним идут по жизни через тернии «покращень», сокращений и креативного питья кофе по интернету.

Третий курс был самый беззаботный и именовался не иначе, как «веселые ребята». Есть такой клуб и в мидовских стенах. Членство в нем получают представители трудовых династий. Клуб является открытым, и туда могут попасть члены других трудовых династий из ведомств, аббревиатуры которых, как правило, состоят из трех букв.

Четвертый курс в училище гордо именовался «Господа офицеры». Вот чего нет, так нет. Офицеры в МЗСе, конечно, есть и даже могут отправиться, куда Родина пошлет, но это — несерьезно.

Но свой «отряд особого назначения» у «дипломатичному війську» все же есть. Попасты в него непросто даже из команды «Веселых ребят». Хорошей стартовой площадкой

для этого может послужить тяжелая, изнуряющая служба в помощниках или помощницах высоких руководителей. Работа в секретариате тоже дает на это шанс, но не всем и не всегда. Одним словом «иншалла», как говорят на Востоке.

Было еще одно интересное подразделение. Название для него Васильев взял тоже из нескучных курсантских хроник. Когда взвод заступал в наряд по столовой, должностные обязанности распределялись по жребию. Каждая группа обозначалась на бумажке кодовым названием. Так, работа в моечном цехе: «человек-амфибия». Ночной труд в овощерезке, где самой проклятой работой была чистка картофеля на все училище: «дожить до рассвета». Вынос продовольственных отходов («параши») в специально отведенное место: «парашютисты».

Именно это название подошло бы, как нельзя лучше, к назначению отдельных послов. Они появлялись совсем неожиданно, как диверсанты. Снятые с должностей за развал работы пограничные, СБУшные и прочие генералы, а также высокие чиновники отправлялись в благодарность «за верную службу» на посольские хлеба. Их каденция, как правило, заканчивалась со сменой лидера, их направившего в не особенно долгосрочную командировку.

За время службы в МЗСе Васильев стал свидетелем и непосредственным участником четырех зимне-летних ротационных кампаний. Каждая из них имела свои характерные особенности, в зависимости от волевых качеств и профессиональных убеждений руководителей, ее проводящих.

Две первые проводились представителями «старой школы», две последующие — «младореформаторами».

Васильеву понятнее и ближе был подход «стариков». И объяснялось все просто: кандидатов приглашали на заседание комиссии и беседовали с ними. Второе собеседование проводилось с теми, кто не прошел отбор. Неудачнику объясняли причины и нередко предлагали альтернативный вариант. В любом случае — это выглядело человечнее.

На первой его комиссии Васильеву предложили вместо Брюсселя, куда он записался по наивности, поехать в Абуджу (столица Нигерии, кто не в курсе).

На робкий отказ прозвучал вопрос строгим голосом одного из членов комиссии:

— Ви що, не готові служити там, куди Вас Батьківщина направить?

— Я все життя служив там, куди мене направляла Батьківщина, та після двох афганських гепатитів військові лікарі не рекомендували мені службу в країнах з жарким кліматом, — очень важно ответил он.

Ответ был принят.

В следующей ротации Васильеву снова пришлось обратить внимание членов комиссии на медицинские противопоказания. На следующее утро из кадров позвонили и спросили, что он думает про Узбекистан.

— Я думаю, что Ташкент — город хлебный, — ответил он.

После этого Васильев попросился на прием к главе кадровой комиссии. Его в МЗСе все уважали, а для Васильева он был даже в какой-то степени земляком, потому как родом из Черновицкой области.

— Заходь. Ну що, задоволений? Ташкент — гарне місто і посада радника.

— Іване Миколайовичу, дякую, але ж я «желтушник», — Васильев виновато улыбнулся.

— Тю, а я й забув, — замминистра взял телефонную трубку и набрал начальника управления кадров.

— Слухай, що ж це ми з тобою хворого «афганця» в Узбекистан посилаємо? — Потом он обратился к Васильеву:

— Поїдеш у Білорусь?

— Може, я наступного року запишусь на Брюссель?

— Ти що, думаєш, наступного року краще буде? — иронично спросил тот. — Даю тобі добу на роздуми.

Васильеву так и захотелось ответить: «Есть!» Стиль замминистра напомнил ему одного из его руководителей во время службы в разведке. Генеральская строгость в нем сочеталась с человечностью. Отец-командир, одним словом.

На следующий день Васильев был в «отгуле» за дежурство в МЗСе. Звонок замминистра застал его на детской площадке:

— У тебе тридцять секунд. Готовий їхати у Мінськ?

— Так точно, Іване Миколайовичу.

— Завтра йди в кадри. Бувай здоровий!

Каждая очередная смена руководства в МЗСе своего рода стресс для подчиненных, привыкших уже к особенностям главы ведомства и формату тез для бесід, что пишутся для него. Новый руководитель вводил свои «покращення». Прошлые «покращення» зачастую отменялись, а люди, их вводившие, отправлялись в долгосрочные командировки.

В армейской среде бытовала поговорка «Каждый новый начальник хуже предыдущего». Еще довольно часто употреблялся термин «порнография», применявшийся для оценки действий подчиненного. Например: «Это не заправка коек, а порнография какая-то. Это не подъем-переворотом, а порнография и т. д.».

Такой оценочный критерий можно было смело отнести и к первому конкурсу по замещению посад в ЗДУ, проведенному министром, пообещавшим жить по-новому.

Конкурс был организован с необходимыми атрибутами: списком стран и списком участвующих в конкурсе, но на заседание конкурсной комиссии уже никто никого не приглашал. А апофеозом стало то, что победители конкурса не назывались публично. Оказалось, что это теперь информация с грифом ДСК. Мы в восхищении.

Не питая больше иллюзий по поводу возможности продолжить службу в одной из европейских столиц и учитывая свой «преклонный» возраст для «категории младореформаторов», Васильев принял креативное решение.

После анализа «первой волны» ротации к дипломатическому сообществу обратился замминистра с пламенным призывом пересмотреть географию своих заявок на замещение вакантных должностей. Европейский вектор преобладал в выборе абсолютного большинства. Это и не мудрено, он совпадал с главным вектором развития страны. Всем хотелось быть на переднем крае.

Замминистра настоятельно рекомендовал учесть, что географический фактор предыдущих мест службы будет очень важным для окончательного решения конкурсной комиссии. Он также попросил обратить внимание на перспективно развивающийся африканский континент. Отдельно значилась Япония, как ни странно, никто не изъявил желания поработать в Стране восходящего солнца. Опыт показывает, что такие призывы не касаются «веселых ребят», и уж тем более «отряда особого назначения».

У Васильева же сработал «рефлекс собаки Павлова», выработанный еще комсомолом, армией и партией. Рефлекс заключался в том, что если Родина сказала надо, то

члены выше упомянутых групп должны ответить: «Есть!»
Он записался и прошел по конкурсу в Японию.

Осталось только получить погодження в АПУ путем личной беседы с замом главы и главным специалистом в области евроинтеграции при всех властях.

ЭПИЛОГ

А тем временем благие вести пришли из СЦКК. Там прошла своя ротация. Российские офицеры, с кем работал Васильев, после выполнения «эсэкакашного» долга отправились на родину.

Во время пересечения границы наши доблестные таможенники обнаружили у начальника штаба российской части СЦКК полковника Кирсанова все, что ему Бог послал для выполнения его ответственной миротворческой миссии. В этот день Бог послал Игорю Васильевичу научно-познавательные книжки с картинками: «Рекомендации по организации ведения боевых действий в населенных пунктах», «Форсирование водной преграды», «Учебное пособие в приложении к программе подготовки снайперов на сборах», «Особенности выполнения боевых задач разведки и разминирования путей движения войск по опыту ведения боевых действий в условиях вооруженных конфликтов», «Особенности

наступления танкового (мотопехотного) полка (бригады) ночью» и так далее, и тому подобное.

В сети было опубликовано фото и самого Игоря Васильевича в комнате досмотра. С поднятым над головой флагом «ДНР», который ему тоже Бог послал вместо украинского борща, смотрелся так же эпично, как Андрей Миронов в «Бриллиантовой руке» с поднятым древком, на котором развевались трусы.

Еще более фееричным получилось приключенческо-эротическое видео «В бане» с майором Рогачевым, тоже офицером СЦКК, в главной роли. Фильм был создан при содействии наших контрразведчиков и вызвал большой интерес и много откликов в сети.

И как тут не вспомнить слова К. Симонова из стихотворения: «Жди меня, и я вернусь...»

17 декабря 2017 года МИД РФ заявил об отзыве российских офицеров-наблюдателей из Донбасса. Основной причиной выхода из СЦКК российские дипломаты назвали «неуважительное отношение украинских военнослужащих» к российским коллегам. Им ограничивали доступ к линии соприкосновения и запрещали общаться с местными жителями, утверждают в министерстве. «Украинская сторона сознательно создавала для входящих в его [центра] состав наших военнослужащих напряженную морально-психологическую обстановку, чинила препятствия для выполнения ими своих служебных обязанностей», — сказано в заявлении МИД РФ.

Через лічені години після оголошення Москви про виведення російських офіцерів з СЦКК МЗС України висловило своє обурення одностороннім рішенням Росії.

«Такий крок вчергове свідчить, що Москва не залишає спроб змусити Україну і міжнародних партнерів почати

так званий «прямий діалог» із бойовиками незаконних збройних формувань, що діють на тимчасово окупованій території окремих районів Донецької та Луганської областей України під тотальним контролем і при повній підтримці з боку РФ».

Майже рік у складі СЦКК був відсутній представник МЗС України.

Васильєв з інтересом слідив за новостями із Соледача. Іногда ему хотелось туда вернуться.

Шапокляк: — Гена, хочешь стать дипломатом? Пойдём со мной.

Чебурашка: — Я с тобой.

Через 15 минут Чебурашка:

— Гена, тебе не кажется подозрительным, что нас привели не в посольство, а на фабрику чемоданов?

*Тим, хто пройшов через
співбесіду в АПУ,
присвячується.*

P.S. (3 КОЛЕГАМИ НА ЧАЙ)

Моральные мучения идущих на собеседование в АПУ к человеку, который не смеется, были сопоставимы с мучениями посетителей общежития студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца, ударявшихся в темном коридоре о нестораемый шкаф с последующим падением на них скелета студента Иванопуло.

Васильев пообщался с барышней из кадров, занимавшей довольно высокую посаду, имевшей счастье побеседовать в высоких палатах о ее назначении в иноземную державу. Сказ о том, как «князевич Елисей» любил послушать про устройство бытовых приборов на одном из знакомых ему иностранных языков, оказался горькой былью.

В связи с этим Васильев предпринял самые серьезные меры подготовки к аудиенции, а именно: подготовил две презентации по устройству кондиционера на французском и английском языках, изучил информационно-аналитические

материалы нашего посольства в Токио и перечитал «Три возраста Окини-сан» Пикуля. Не успел только выучить японский язык, но кадровая комиссия была в курсе. «Харакири» делать, в случае неудачи, он не собирался.

Кроме того, он постарался тщательно подойти к выбору костюма и всех аксессуаров. «Князевич» славился своим занудным «протоколизмом», и в широких кругах дипломатической общественности это было хорошо известно. Ввиду стоявшей на дворе августовской жары, выбор был остановлен на светлом костюме, приобретенном в одном из венских магазинов во время летней распродажи, светлых туфлях, почти ненадеванных, белой рубашке и не очень ярком галстуке.

Ну, и конечно, как перед строевым смотром в армии, кандидат посетил мидовскую цирюльню. В процессе стрижки постарался выведать у мудрой женщины, чьи чувствительные пальчики и острые ножнички приводили в протокольный порядок много руководящих голов, отдельные психологические черты портрета АПУшного начальника. На уточняющий вопрос, можно ли с ним шутить, получил короткий ответ:

— Можно, но не нужно.

Французы говорят: «Ищите женщину!» Позже, после randevu, Васильев изменил эту формулу на: «Слушайте женщину!» Но, как говорилось, знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

В приемной их было трое (на собеседование вызывали тройками). Двое молодых коллег казались беззаботными, должно быть им было что-то известно, чего не знал Васильев. Они непринужденно болтали с секретаршей, та одаривала всех ободряющей улыбкой.

Через минут десять по прошествии назначенного времени из кабинета вышел его хозяин в белой рубашке с расстегнутой пуговицей на пузе.

— О, тут люди, що ж ти мені не кажеш, — обратился он к секретарше.

— Нічого, п'ятнадцять протокольних хвилин — це нормально, — брякнул Васильев ни с того, ни с сего и улыбнулся. Хотелось как-то разрядить обстановку.

Начальник внимательно посмотрел на него и вернулся в кабинет. Через несколько минут раздался телефонный звонок, секретарша взяла трубку, а Васильеву предложила войти.

Он с кожаной папкой, в которой находились подготовленные документы, смело вошел в кабинет. Штирлицу в подобной ситуации повезло больше. Он, как известно, не попал на прием к Гиммлеру благодаря внезапному появлению Шелленберга.

Начальник сидел за столом с суровым лицом самурая намеревавшегося сделать харакири, правда, в данном случае — не себе.

— Кони шува, — поприветствовал его Васильев по-японски и снова улыбнулся, улыбка получилась кисловатой.

— Ви знаете японську мову? — строго спросил тот, встал из-за стола и подошел к приставному столику, возле которого стояли два стула.

— Ні, я не знаю японської мови, — сдержанно и уже без улыбки ответил Васильев.

— Сідайте. Тоді чому Ви їдете до Японії? — вопрос прозвучал еще строже.

— Я роблю це у відповідь на заклик керівництва МЗС, — Васильев почувствовал, как в груди что-то начинает сжиматься.

— Який заклик?

— Звернення заступника Міністра до дипскладу після аналізу першої хвили ротачії.

После паузы начальник продолжил, немного смягчив тон.

— Скажу відверто, Ви ж розумієте, що я Вас маю продавати Президенту..? Мені потрібно довести, чому саме Вас слід направляти у це відрядження...

Васильев кивнул в ответ.

Выйдя из здания АПУ, Васильев, чувствуя, как горит лицо и закипают мозги, пошел в ближайший гастрономчик на Костельной. Взял там полуторалитровую пластиковую бутылку газированной «Миргородской» из холодильника, расплатился и спустился в любимый скверик перед Драматическим театром им. И. Франко.

Он снял пиджак и нервно швырнул его на лавочку у фонтана. Сел, распустил узел галстука и, не отрываясь, выпил больше половины содержимого бутылки. Утолив немного жажду, он попытался проанализировать состоявшуюся аудиенцию. Вопросы, как на допросе. Его ответы, сначала уверенные, а потом и не очень. Мысли по поводу услышанного — все смешалось.

«Бл-дь, я шо, продукция “Рошен”, чтобы меня продавать? Старший помощник ВАТ в Бухаресте, первый секретарь постпредства в Вене, радник з політичних питань в Минске. Почему я должен доказывать свою профпригодность? На хрена тогда нужна мидовская кадровая комиссия и министр, утвердивший ее решение, “смарт его побъери”?» — первое, что пришло в голову. Вопросы высокого чиновника как будто выстреливали у него в голове и снова приводили в ступор.

- « — Якими мовами ви володієте?
— Англійською і французькою на оперативному рівні, і румунську ще не зовсім забув.
— Чому Ви не їдете до Румунії?
— Це питання не до мене. Але я там працював у іншій якості, може, це дійсно некоректно — їхати туди.
— Зараз Ви «чистий» дипломат?
— Так.
— Чому звільнилися з розвідки?
— До Парижа на навчання не пустили.
— У Вас посада радника відділу НАТО, чому Ви не подаєтеся у місію НАТО?
— Вже подавався, без особливого успіху. Даю дорогу молодим».

Далее поговорили за Японию. «Обчитавшись» інформаційних довідок до одури, Васильев, как говорили в училище во время сессии, попытался сдать свои удовлетворительные знания на «хорошо» и «отлично».

В завершении беседы «экзаменатор», как ведущий клуба «Что? Где? Когда?», объявил блиц. Назвать три причины почему именно он должен ехать в Японию. На каждый ответ — десять секунд. К этому моменту Васильев был «вже такой, як треба».

«На счет 1. Он ответил:

— Мене знає Посол, я з ним працював у Бухаресті.

На счет 2. Он уже не помнил свой ответ.

На счет 3:

— Я звик давати об'єктивну інформацію, незважаючи на те, подобається вона чи ні. Щоб її донести, можу піти на порушення виконавчої дисципліни, як це було в СЦКК. Доповідь щодо загострення обстановки я зробив на Вас через голову міністра, коли з МЗС не було жодної реакції.

- Скільки Ви були в СЦКК?
- Майже чотири місяці.
- Як МЗС оцінило Вашу роботу?
- Догани я не отримав.
- Чинovníк встал, Васильев встал тоже.
- Дякую, що знайшли час для бесіди.
- І Вам дякую, що прийняли».

«Все, уже никто никуда не едет. Спасибо, что обошлось без устройства кондиционера», — подумал он, выходя из кабинета.

Допив воду, Васильев выбросил пластиковую бутылку в урну, куда ему захотелось отправить и папку, но она была кожаная и куплена в Минске, стало жалко. Затем он надел пиджак и подошел к кофейному автомобилю, стоявшему, очень кстати, на проезжей части перед входом в скверик. Справа от него располагались две лавочки напротив друг друга. На этом месте часто собиралась шумная актерская братия перед репетициями. Но сейчас был конец августа, вокруг театра царило затишье, народ догуливал отпуска перед началом сезона.

— Будь ласка, «еспreso», — обратился Васильев к молодому улыбочивому баристе.

— Вам «стронг» чи «лайт»? З молоком чи вершками? Із цукром чи без? Із шоколадом? — нарaспев, как трель, произнес он.

— Краще з коньяком.

— На жаль, немає, — парень расплылся в сочувствующей улыбке.

Васильев взял бумажный стаканчик и сел на лавочку лицом к фонтану. Сделал глоток и почувствовал, что его начинает «попускать». В этот момент он увидел входящего

в скверик Володю Зозулю. Он с широкой улыбкой приблизился, остановился и отдал воинскую честь по-польски, приложив два пальца к виску, вставшему по строевой стойке Васильеву. стаканчик с кофе тот предусмотрительно поставил на лавочку.

— Честь, пане пулковнику!

— Еще польска не згинела! — Они обнялись.

После спектакля «Дамы и гусары» ритуал приветствия между ними часто происходил на военный манер. Володя филигранно сыграл Гжегоша. Глядя на его выправку и всегда аккуратно подстриженные усы, Васильеву казалось, что он точно в свое время служил в артиллерийской батарее.

— Какими судьбами? У актеров отпуск еще не закончился, насколько я понимаю.

— Пан майор объявил большой сбор для подготовки «капустника»!

Когда предоставлялась возможность, Васильев бывал не только на «капустниках» с участием команды франківців, но и на репетициях, с восхищением наблюдая, как рождаются шедевры. Абсолютное лидерство этой команды признавалось всем киевским театральным сообществом и даже самыми «заклятыми друзьями» из Театра русской драмы.

— Шо, «капусту» рубить будете?

— То слезы, а не «капуста», но после отпуска не помешает. Слушай, Володя, а у тебя червонца не будет? Я без копейки в кармане и на кофе нет.

— Держи, гусар, и ни в чем себе не отказывай.

— Бардзо дзинкую. О, пан майор на марше.

Лэзь Задунайский в белых широких брюках, цветастой рубашке навыпуск и широкополой соломенной шляпе мед-

ленно, словно парусник, двигался по тротуару вдоль скверика по направлению к Театру. Они пошли ему навстречу.

— Пане полковнику, ви такий ошатний. У Вас весілля? — произнес Лесь своим бархатным баритоном с легкой иронией.

— Похороны, — весело ответил Васильев.

— Пане майоре, Ви повернулися з Ріо-де-Жанейро? — с ухмылкой Балаганова спросил Володя.

— Ні, я був у Гішпанії.

— У Вас там родичі?

Гжегош и пан майор крепко обнялись и смачно трижды расцеловались.

— Ну шо, наші всі зібралися?

— Я не знаю, тільки-но підійшов і ось з паном полковником зустрілися. Може, вип'ємо кави? Я пригощаю.

— Спекотно. Краще в буфеті чогось холоденького.

— Да, я выпил бы холодной «Миргородской».

— Авжеж, з білим холодним вином. Від спеки добре рятує.

— Я на службе, — неуверенно заметил Васильев.

— Я сьогодні теж, тому коньяк не пропоную.

«В самом деле, МЗС может подождать, и вообще я сегодня на собеседовании в АПУ», — решил про себя Васильев.

— Ескадрон, риссю до буфета — марш! — скомандовал пан майор.

Гжегош и отставной полковник приняли позу кавалеристов, держащих поводья своих лошадей (Васильев держал папочку перед собой), и они «поскакали» к центральному театральному входу.

В течение месяца Васильев периодически, на всякий случай, интересовался в кадрах, не пришло ли «погодження» из АПУ. Потом он прекратил это неблагодарное занятие.

В декабре началась очередная ротационная кампания. Надо было принимать решение об участии в ней. Астахов, сопереживая страданиям Васильева, пошел к директору департамента кадров (тот был его давним товарищем) с тем, чтобы прояснить ситуацию.

— Ну, заходите, присаживайтесь, — почти ласково встретил Астахов Васильева, когда тот пришел узнать о результатах беседы.

— Таки Вы имеете мне шо сказать?

— Шоб Вы не сомневались.

— Ну не томите уже. Кройте!

— В каком Вы были костюме на собеседовании?

— В светлом, летнем, если я не ошибаюсь, а что?

— А то, что ревностный знаток протокола расценил это, как личное оскорбление. На прием к начальству надо надевать темный костюм. Учите матчасть. Да, и посмотрите план ротации на следующий год.

— Мы дипломатических академиев не заканчивали. Но теперь все понятно. Не обратить ли мне мое пристальное внимание на Африку, как «старший» сказал.

— Там же жарко.

— А посмотрю-ка я на Северную Африку. Африканский язык я знаю. И еще первые секретари на собеседование в АПУ не ходят. Щас спою. Как это было у Красной Шапочки.

А-а, в Африке реки

Вот такой ширины.

А-а, в Африке горы

Вот такой вышины.

А-а, крокодилы, бегемоты,

А-а, обезьяны, кашалоты,

А-а, и зелёный попугай,
А-а, и зелёный попугай.

— Вы не только японский язык не знаете, но и со слухом у Вас не все в порядке.

— Злые вы, уеду я от вас в Африку, тем более, что светлый костюм у меня уже есть.

Прошло два года. Читая о новостях театральной жизни, Васильев узнал о скоропостижной смерти настоящего гусара Гжегоша — Володи Зозули.

На один из главных мусульманских праздников — Курбан Байрам, Васильев с чувством глубокого удовлетворения подарил консьержу светлый «нефартовый» костюм.

С этим же чувством он встретил сообщение об исходе светоча украинской евроинтеграции с Банковой на Михайловскую, правда, ненадолго.

Посада «посла з особливих доручень» («старший, куда пошлют», было такое выражение в армии) не смогла удовлетворить дипломата его масштаба. Уходя, он обиделся, что с ним никто не поговорил. Надо же, а он столько провел душевных бесед в АПУ.

А вот «smart»-министра Васильев зауважал за его заявление об отставке.

Как ласково говорил Василий Алибабаевич Хмырю в любимом фильме «Джентльмены едачи», «мама говорит, что ты хороший, но слабохарактерный».

В общем пришли новые времена, а с ними и новые песни. Хотя некоторые старые обрели новое звучание. Красная Шапочка об этом и не догадывалась, когда пела про Африку.

Літературно-художнє видання

ВОЛОШЕНЮК Володимир Васильович

ДИПЛОМАТИЧНІ КАРТИНКИ
(російською мовою)

Редактор *З. П. Стась*
Дизайн і верстка *Н. В. Коваль*
Коректор *І. М. Барвінок*

Підписано до друку 24.11.2021.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 8,37.
Зам. №

Видавничий дім «КІЙ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників, розповсюджувачів видавничої продукції серія ДК № 4646 від 01.11.2013 р.